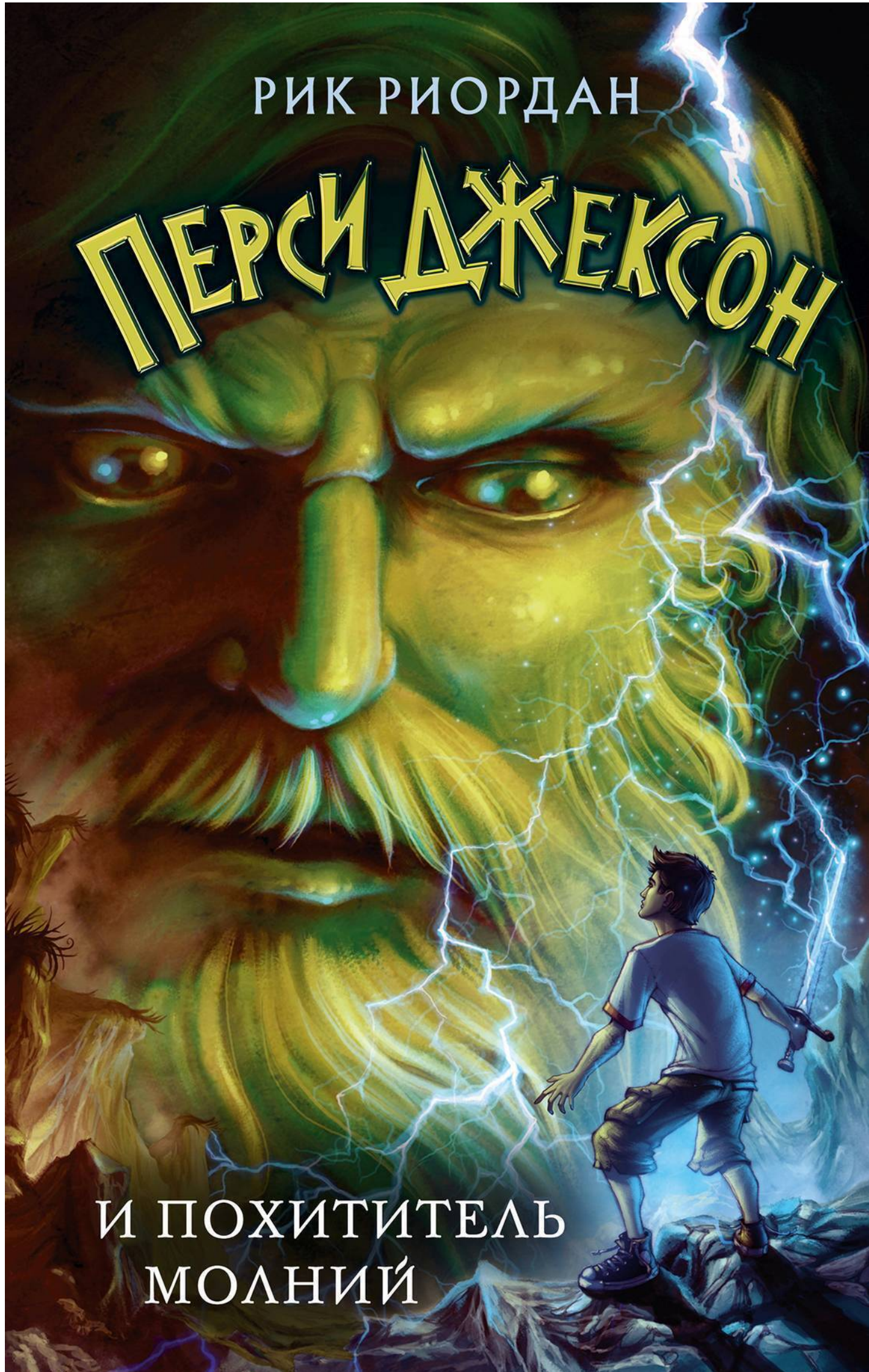

РИК РИОРДАН

ПЕРСИ ДЖЕКСОН

И ПОХИТИТЕЛЬ
МОЛНИЙ

Вселенная Перси Джексона

Рик Риордан

**Перси Джексон и
похититель молний**

«ЭКСМО»

2005

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44

Риордан Р.

Перси Джексон и похититель молний / Р. Риордан — «Эксмо»,
2005 — (Вселенная Перси Джексона)

ISBN 978-5-04-160181-2

Перси Джексон, двенадцатилетний школьник, неожиданно узнает, что он не простой мальчик, а сын бога морей. Теперь ему предстоит научиться управлять своими сверхъестественными способностями, сразиться с самим Минотавром, побывать в Лагере Полукровок, чтобы познакомиться с такими же необычными подростками, как и он, и даже подняться на гору Олимп, где живут древние, могущественные и чрезвычайно опасные боги... Цикл Рика Риордана «Перси Джексон и Олимпийцы» – классика современного подросткового фэнтези. Книги автора завоевали сердца миллионов читателей по всему миру и были удостоены множества литературных наград.

УДК 821.111-93(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-160181-2

© Риордан Р., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	19
Глава четвертая	26
Глава пятая	32
Глава шестая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Рик Риордан

Перси Джексон и похититель молний

Посвящается Хейли, который первым услышал эту историю

Rick Riordan

The Lightning Thief

© 2005 by Rick Riordan

Permission for this edition was arranged through the Nancy Galt Literary Agency

© Оверина К. С., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава первая

Я случайно уничтожаю учительницу математики

Слушай, я не хотел быть полукровкой.

Если ты читаешь эту книгу потому, что думаешь, что сам можешь им оказаться, мой тебе совет: закрой ее прямо сейчас. Поверь всему, что наплели мама с папой о твоём рождении, и постарайся жить нормально.

Жизнь полукровки опасна. И страшна. И чаще всего заканчивается мучительной и гадкой смертью.

Если ты обычный ребенок и думаешь, что читаешь сказку, – отлично. Читай дальше. Хотел бы и я верить в то, что всего этого никогда не было.

Но если ты узнаешь себя на страницах этой книги, если что-то внутри у тебя шевельнется – тут же закрывай ее. Ты можешь оказаться одним из нас. И стоит тебе об этом узнать – рано или поздно *они* тоже это почувствуют и придут за тобой.

И не говори, что я не предупреждал.

Меня зовут Перси Джексон.

Мне двенадцать лет. Еще несколько месяцев назад я учился в Академии Йэнси – частной школе-интернате для трудных детей на севере штата Нью-Йорк.

Трудный ли я ребенок?

Ну... Можно и так сказать.

Каждый миг моей короткой жалкой жизни мог бы послужить этому доказательством, но по-настоящему всё завертелось в прошлом мае, когда наш шестой класс поехал на экскурсию на Манхэттен: двадцать шесть невменяемых школьников и двое учителей на желтом школьном автобусе отправились в Метрополитен-музей поглазеть на древние греческие и римские штуки.

Знаю, звучит тоскливо. По большей части экскурсии в Йэнси именно такими и были.

Но эту должен был вести мистер Браннер, учитель латыни, так что у меня теплилась надежда.

Мистер Браннер – немолодой мужчина в коляске с электроприводом. Волосы жиденькие, борода всклокочена, а потертый твидовый пиджак пропах кофе. С виду не скажешь, что он клевый, но он травил байки, шутил и разрешал нам играть в классе. А еще у него была нереальная коллекция римских доспехов и оружия, поэтому только на его уроках меня не клонило в сон.

Я надеялся, что экскурсия пройдет нормально. Что хотя бы в этот раз я ни во что не вляпаюсь.

Ох, как же я ошибался!

Такое дело: на экскурсиях я вечно попадаю в неприятности. Например, в пятом классе, когда я учился в другой школе, мы поехали на поле битвы при Саратог¹, и у меня вышла история с пушкой времен Войны за независимость. Я не хотел попасть в школьный автобус, даже не целился, но меня все равно исключили. В предыдущей школе, где я учился в четвертом классе, нас повели на экскурсию в аквариум для акул «Морской мир» – так я умудрился нажать на какой-то рычаг, и всему нашему классу пришлось искупаться. А еще раньше... Короче, ты понял.

Но на этой экскурсии я твердо решил быть паинькой.

¹ Битва при Саратог – одно из важнейших сражений Войны за независимость США. (Здесь и далее прим. перевод.)

Всю дорогу до города я терпел выходки Нэнси Бобофит, рябой рыжей вороватой девчонки, которая донимала моего лучшего друга Гроувера, кидая ему в затылок кусочки сэндвича с арахисовым маслом и кетчупом.

Гроувер – легкая мишень. Он хиляк. Когда расстраивается – плачет. Скорее всего, он не раз оставался на второй год, потому что среди шестиклашек прыщи только у него, а на подбородке пробивается пушок. И к тому же он хромой. У него пожизненное освобождение от физкультуры из-за какой-то болезни ножных мышц. Ходит он как-то странно, словно ему больно делать каждый шаг – но пусть тебя это не обманывает. Видел бы ты, как он мчится в столовую, когда в меню есть энчилада².

В общем, Нэнси Бобофит кидалась в него кусочками сэндвича, которые застревали в его каштановых кудрях. Она отлично знала, что я ничего ей не сделаю, потому что и так уже на испытательном сроке. Директор пригрозил, что я буду до самой смерти заниматься в классе для провинившихся, если во время экскурсии учиню какую-нибудь гадость, опозорюсь или надумаю хоть как-то развлечься.

– Я ее убью, – процедил я.

Гроувер попытался меня успокоить:

– Да всё нормально. Я люблю арахисовое масло. – И он увернулся от очередного снаряда Нэнси.

– Ну всё, хватит. – Я начал было вставать, но Гроувер усадил меня обратно на место.

– Ты уже на испытательном сроке, – напомнил он. – Сам знаешь, кому в случае чего попадет.

Вспоминая об этом, я жалею, что не всыпал Нэнси Бобофит прямо там. Класс для провинившихся был просто песней по сравнению с той жестью, которая вскоре меня ожидала.

Мистер Браннер вел экскурсию по музею.

Он ехал впереди в коляске, а мы шли за ним по просторным гулким коридорам, мимо мраморных статуй и витрин с жутко древней черно-оранжевой глиняной посудой.

У меня не укладывалось в голове, что всему этому целых две, а то и три тысячи лет.

Учитель собрал нас вокруг каменного столба тринадцать футов высотой с большим сфинксом наверху и стал объяснять, что это погребальный знак, *стела*, с могилы девочки примерно нашего возраста. Потом заговорил о резьбе по бокам. Я старался слушать, было даже вроде как интересно, но все остальные болтали, и каждый раз, когда я одергивал их, наша вторая сопровождающая – миссис Доддз – злобно на меня поглядывала.

Миссис Доддз вела у нас математику. Это была невысокая тетка родом из Джорджии. Она всегда ходила в черной кожаной куртке, хотя ей уже стукнуло пятьдесят. Вид у нее был такой суровый, что сомневаться не приходилось: такая запросто протаранит «Харлеем» твой шкафчик. В Йэнси она появилась в середине учебного года, когда у нашей предыдущей учительницы случился нервный срыв.

С первого дня миссис Доддз записала Нэнси Бобофит к себе в любимицы, а меня считала исчадием ада. Когда она тыкала в меня крючковатым пальцем и сладеньким голоском говорила «Ну, дорогуша», я знал: придется месяц оставаться после уроков.

Как-то раз, после того как она заставила меня до полуночи стирать ответы из старых учебников по математике, я сказал Гроуверу, что, по-моему, миссис Доддз вообще не человек. Он серьезно посмотрел на меня и ответил:

– Ты абсолютно прав.

Мистер Браннер всё рассказывал о греческом погребальном искусстве.

² Энчилада – блюдо мексиканской кухни, кукурузная лепешка, в которую завернута начинка.

В конце концов, когда Нэнси Бобофит захихикала, ляпнув что-то о голом парне на стеле, я повернулся к ней и сказал:

– Ты заткнешься?

Получилось громче, чем я рассчитывал.

Вся группа захохотала. Мистер Браннер прервал рассказ.

– Мистер Джексон, – обратился он ко мне, – у вас есть что добавить?

Я покраснел до самых ушей и ответил:

– Нет, сэр.

Мистер Браннер указал на рисунок на стеле:

– Может быть, расскажете, что здесь изображено?

Я посмотрел на резьбу и почувствовал облегчение, потому что и правда знал, что это.

– Это Кронос пожирает своих детей, верно?

– Да, – подтвердил мистер Браннер, которого мой ответ явно не устроил. – И он это делает потому, что...

– Ну... – я изо всех сил пытался вспомнить. – Кронос был верховным богом, и...

– Богом? – переспросил мистер Браннер.

– Титаном, – поправился я. – И... он не доверял своим детям – богам. Вот, хм, Кронос и съел их, да? Но его жена спрятала младенца Зевса, подсунув Кроносу вместо него камень. А потом, когда Зевс вырос, он обманул Кроноса и заставил его изрыгнуть своих братьев и сестер...

– Фу! – скривилась позади меня одна из девчонок.

– ...началась страшная битва богов с титанами, – продолжал я. – И боги победили.

Раздались смешки.

Рядом со мной Нэнси Бобофит зашептала подружке:

– Можно подумать, в жизни нам это пригодится. Прикинь, устраиваешься ты на работу, а в анкете написано: «Объясните, почему Кронос сожрал своих детей».

– И как же, мистер Джексон, – сказал Браннер, – это может, по справедливому замечанию мисс Бобофит, пригодиться в жизни?

– Спалилась, – пробормотал Гроувер.

– Заткнись, – зашипела Нэнси, лицо которой стало ярче ее рыжих волос.

Ну хоть Нэнси тоже получила. Мистер Браннер был единственным, кто замечал, когда она говорила гадости. У него не уши, а радары.

Подумав над его вопросом, я пожал плечами:

– Не знаю, сэр.

– Ясно. – Вид у мистера Браннера был разочарованный. – Что ж, вы получаете только половину зачета, мистер Джексон. Зевс действительно напоил Кроноса вином, смешанным с горчицей, отчего тот изрыгнул остальных пятерых детей, которые, конечно, благополучно жили и росли в желудке титана, потому что были бессмертными богами. Дети свергли отца, разрубили его на куски его же косой и сбросили останки в Тартар – в самую темную часть Подземного мира. На этой счастливой ноте прервемся на обед. Миссис Доддз, не проводите ли нас обратно?

Ребята двинулись к выходу: девчонки держались за животы, а парни толкали друг друга и вели себя как тупицы.

Мы с Гроувером хотели пойти за ними, но мистер Браннер вдруг позвал:

– Мистер Джексон.

Так я и знал.

Я сказал Гроуверу идти без меня и повернулся к мистеру Браннеру:

– Сэр?

От взгляда мистера Браннера было не спрятаться: у него были глубокие карие глаза, которые, казалось, прожили тысячу лет и повидали все на свете.

– Вы должны выучить ответ на мой вопрос, – сказал мистер Браннер.

– О титанах?

– О жизни. И о том, как ваши знания могут в ней пригодиться.

– А-а.

– То, чему я вас учу, – продолжал он, – жизненно важно. И надеюсь, что вы именно так к этому и отнесетесь. От вас я ожидаю только лучших результатов, Перси Джексон.

Меня злило, что он был со мной таким строгим.

Конечно, было круто, когда он устраивал викторины, одевался в римские доспехи и, воскликнув «Эй, там!», острием меча указывал на мелок и отправлял нас к доске, заставляя писать имена всех греков и римлян, которые когда-либо жили, а еще их матерей и богов, которым они поклонялись. Но Браннер хотел, чтобы я проявлял себя не хуже других, несмотря на дислексию и синдром дефицита внимания, поэтому я никогда в жизни не получал оценок выше тройки. Даже не так: он не хотел, чтобы я был *не хуже*, – он хотел, чтобы я был *лучше* остальных. А я в принципе не мог запомнить все эти имена и факты, не говоря уж о том, чтобы правильно их записать.

Я промямлил, что буду стараться, а мистер Браннер бросил долгий печальный взгляд на стелу, как будто лично присутствовал на похоронах этой девчонки.

И велел мне идти обедать.

Класс устроился на ступеньках музея, откуда можно было наблюдать за пешеходами, снующими по Пятой авеню.

Собиралась гроза: в небе клубились такие черные тучи, каких я над городом никогда не видел. Я решил, что дело в каком-нибудь глобальном потеплении, потому что погода по всему штату с самого Рождества будто сошла с ума: жуткие снежные бури, наводнения, от молний загорались леса. Я бы не удивился, если бы сейчас начался ураган.

Остальные, казалось, ничего не замечали. Кое-кто из мальчишек швырял в голубей крекерами «Ланчблз». Нэнси Бобофит пыталась стащить что-то из сумочки какой-то тетki, а миссис Доддз, естественно, ничего не замечала.

Мы с Гроувером уселись на краю фонтана, подальше от всех. Мы надеялись, что так никто не догадается, что мы были из *той самой* школы – школы для неудачников и чокнутых, которых нигде больше не хотели учить.

– Оставил после уроков? – спросил Гроувер.

– Не, – ответил я. – Это же Браннер. Вот если бы он еще хоть иногда оставлял меня в покое. В конце концов, я же не гений.

Гроувер немного помолчал. Я уже было подумал, что он выдаст какую-нибудь глубокую философскую мысль, чтобы мне легче было, но он сказал:

– Можно мне твое яблоко?

Есть мне не особо хотелось, поэтому я разрешил.

Я наблюдал, как по Пятой авеню проезжают такси, и думал о том, что мамина квартира совсем недалеко отсюда. Маму я не видел с Рождества. Мне очень хотелось прыгнуть в такси и поехать домой. Она бы обняла меня и обрадовалась – хотя и огорчилась бы тоже. И отправила бы меня назад в Йэнси, велев хорошенько стараться, хоть это и была моя шестая школа за шесть лет, да и из нее меня, скорее всего, снова выкинут. Мамино грустного взгляда я бы не вынес.

Мистер Браннер припарковал свою коляску рядом с пандусом и принялся жевать сельдерей, читая роман в мягкой обложке. Сзади к его креслу был прикреплен красный зонтик, отчего оно напоминало моторизованный столик в кафешке.

Я уже собирался развернуть свой сэндвич, как передо мной возникла Нэнси Бобофит со своими мерзкими подружками – видимо, ей надоело обчищать туристов – и вывалила остатки своего обеда прямо на колени Гроуверу.

– Ой! – улыбнулась она, показав кривые зубы. Веснушки у нее были такими оранжевыми, будто кто-то пшикнул ей в лицо жидкими «Читос».

Я хотел сдержаться. Школьный психолог миллион раз говорил мне: «Считай до десяти, держи себя в руках». Но я так взбесился, что в голове у меня стало пусто. В ушах зашумело.

Не помню, что я сделал, но в следующий миг она уже сидела в фонтане и вопила:

– Перси меня толкнул!

Рядом тут же возникла миссис Доддз.

Ребята перешептывались:

– Ты видел...

– ...вода...

– ...она ее как будто схватила...

Я не понимал, о чем они говорят. Было ясно одно: у меня снова неприятности.

Убедившись, что с бедняжкой Нэнси все в порядке и пообещав купить ей новую футболку в сувенирной лавке музея, и т. д и т. п., миссис Доддз повернулась ко мне. Глаза ее горели торжествующим огнем, будто я сделал что-то, чего она ждала весь семестр.

– Ну, дорогуша...

– Знаю, – буркнул я. – Месяц с ластиком и учебниками.

Ох, не стоило этого говорить.

– Иди за мной, – скомандовала миссис Доддз.

– Постойте! – вскрикнул Гроувер. – Это я. Я толкнул ее.

Я изумленно уставился на него. Невероятно: Гроувер пытался меня прикрыть. А ведь он до смерти боится миссис Доддз.

Она так посмотрела на него, что его пушистый подбородок задрожал.

– Не думаю, мистер Ундервуд, – сказала она.

– Но...

– Вы. *Останетесь*. Здесь.

Гроувер в отчаянии перевел взгляд на меня.

– Все нормально, дружище, – сказал я. – Спасибо.

– Дорогуша! – рявкнула миссис Доддз. – *Ну же*.

Нэнси Бобофит усмехнулась.

Я смерил ее фирменным взглядом, в котором читалось «убью тебя позже». А потом повернулся к миссис Доддз, но ее на месте не оказалось. Она стояла на верхней ступеньке у входа в музей и нетерпеливо махала рукой, чтобы я поторопился.

Как она умудрилась так быстро там оказаться?

Со мной часто такое бывает: мой мозг вроде как засыпает, и в следующий миг я понимаю, что что-то упустил, как будто Вселенная – это пазл, из которого потерялся кусочек, а я в недоумении смотрю на это пустое место. Психолог сказал, это потому что из-за СДВГ мой мозг неправильно понимает происходящее.

А вот я не был в этом так уж уверен.

Я последовал за миссис Доддз.

На середине лестницы я оглянулся и посмотрел на Гроувера. Он был бледный и то и дело переводил взгляд с меня на мистера Браннера, будто хотел, чтобы тот заметил, что происходит, но мистер Браннер был поглощен книгой.

Я снова взглянул наверх. Миссис Доддз опять исчезла. На этот раз она оказалась внутри здания, в дальнем конце вестибюля.

Ясно, подумал я. Она заставит меня купить Нэнси новую футболку в сувенирной лавке.

Но, похоже, я ошибся.

Пришлось идти за ней дальше по музею. Догнал я ее, только когда мы снова попали в зал греко-римского искусства.

Кроме нас здесь никого не было.

Миссис Доддз стояла, скрестив руки, перед большим мраморным фризом с изображением греческих богов. В горле у нее странно рокотало.

Да мне и без этого рычания было бы не по себе. Страшновато оставаться один на один с учителем, особенно если это миссис Доддз. И на фриз она смотрела как-то странно, будто хотела стереть его в порошок...

– Из-за тебя у нас проблемы, дорогуша, – сказала она.

Злить ее мне не хотелось. И я ответил:

– Да, мэм.

Она одернула манжеты кожаной куртки:

– И ты решил, что тебе это сойдет с рук?

Взгляд у нее был не просто сердитый. Он был злобный.

Она учительница, с тревогой подумал я. Она не сделает мне ничего плохого.

– Я... я исправлюсь, мэм, – пролепетал я.

Здание сотряс удар грома.

– Мы не дураки, Перси Джексон, – продолжала миссис Доддз. – Рано или поздно мы вывели бы тебя на чистую воду. Сознайся сам и будешь меньше страдать.

Я не понимал, о чем она говорит.

Разве что учителя нашли мою заначку конфет, которыми я торговал из-под полы в общешкольной. Или, может, они узнали, что я вообще не открывал «Тома Сойера», а сочинение скачал из Интернета, и теперь его не зачтут. Или того хуже: заставят читать книгу.

– Ну? – настаивала она.

– Мэм, я не...

– Время вышло, – прошипела она.

А потом случилось нечто невероятное. Ее глаза засветились как угольки из жаровни. Пальцы вытянулись, превращаясь в когти. Куртка изменила форму и стала большими кожистыми крыльями. Это был не человек. Передо мной была сморщенная старуха с нетопыриными крыльями, когтями и пастью, полной желтых клыков. Еще чуть-чуть – и она разорвет меня на куски.

Но тут все стало еще невероятней.

Мистер Браннер, который еще минуту назад был на улице, появился в дверях галереи с ручкой в руках.

– Эй, Перси! – крикнул он, кидая мне ручку.

Миссис Доддз бросилась на меня.

Я, взвизгнув, увернулся, и ее когти царапнули воздух прямо у меня над ухом. Я поймал шариковую ручку, но когда я ее коснулся, это была уже не ручка, а меч. Тот самый бронзовый меч, которым мистер Браннер размахивал во время викторин.

Миссис Доддз развернулась и кровожадно посмотрела на меня.

Ноги у меня подкосились. Руки так дрожали, что я чуть не выронил меч.

– Умри, дорогуша! – прорычала она.

И полетела прямо ко мне.

Меня охватил ужас. Единственное, что я смог сделать, – поддаться инстинкту и взмахнуть мечом.

Металлический клинок ударил миссис Доддз в плечо и легко, как сквозь воду, прошел сквозь ее тело. Пшшш!

Можно было подумать, что миссис Доддз – песчаный замок, попавший под струю мощного вентилятора. Она в мгновение ока рассыпалась облаком желтой пыли, оставив после себя лишь запах серы, предсмертный вопль и жуткий холодок в воздухе, как будто ее красные глаза-угольки все еще за мной следили.

Я остался один.

В руке у меня была ручка.

Мистера Браннера нигде не было. В зале был только я.

Дрожь в руках не унималась. Мне в еду, наверное, попали какие-нибудь волшебные грибы.

Неужели мне всё это просто показалось?

Я вышел обратно на улицу.

Начался дождь.

Гроувер сидел на краю фонтана, держа над головой карту музея. Нэнси Бобофит по-прежнему стояла неподалеку, мокрая после заплыва в фонтане, и жаловалась своим мерзким подружкам. Увидев меня, она сказала:

– Надеюсь, миссис Керр всыпала тебе как следует.

– Кто? – удивился я.

– Наша *учительница*. Прикинь?!

Я моргнул. У нас не было никакой учительницы миссис Керр. Я сказал Нэнси, чтобы она не несла чушь.

В ответ она только закатила глаза и отвернулась.

Тогда я спросил Гроувера, где миссис Доддз.

– Кто? – сказал он.

Но перед этим он замялся и не посмотрел на меня, поэтому я решил, что он прикалывается.

– Не смешно, чувак, – заметил я. – Дело серьезное.

В небе загрохотало.

Мистер Браннер сидел под красным зонтиком и читал книгу, словно все это время не двигался с места.

Я подошел к нему.

Он поднял голову и рассеянно взглянул на меня:

– А, вот и моя ручка. В следующий раз захватите собственные письменные принадлежности, мистер Джексон.

Я отдал мистеру Браннеру ручку, только в тот момент осознав, что по-прежнему держал ее в руке.

– Сэр, – сказал я, – а где миссис Доддз?

Он недоуменно посмотрел на меня:

– Кто?

– Вторая сопровождающая. Миссис Доддз. Учительница математики.

Он нахмурился и подался вперед, вид у него был озадаченный.

– Перси, с нами на экскурсии нет миссис Доддз. И насколько я знаю, в Академии Йэнси никакой миссис Доддз никогда не было. Ты себя хорошо чувствуешь?

Глава вторая

Три старушки вяжут смертельные носки

Я уже привык, что со мной все время происходят всякие странности, но обычно жизнь быстро приходит в норму. Но на этот раз мучительная галлюцинация не желала заканчиваться ни на минуту. Остаток учебного года все в школе, казалось, надо мной прикалываются. Ученики невозмутимо делали вид, что миссис Керр – бойкая блондинка, которую я впервые в жизни увидел, когда она после той экскурсии вошла в наш автобус, – вела у нас математику с самого Рождества.

Время от времени я упоминал в разговорах миссис Доддз, надеясь раскусить притворщиков, но они смотрели на меня как на психа.

И я почти поверил, что никакой миссис Доддз никогда не было.

Почти.

Но Гроувер не мог меня обмануть. Когда я при нем произносил имя миссис Доддз, он нерешительно замолкал, а потом заявлял, что ее никогда не существовало. Но я-то знал, что он врет.

Дело было нечисто. В музее *и правда* случилось что-то странное.

Днем мне некогда было об этом размышлять, но по ночам я просыпался в холодном поту от кошмаров, в которых мне являлась миссис Доддз с когтями и кожистыми крыльями.

Погода продолжала чудить, и хорошего настроения мне это не прибавляло. Как-то ночью в моей комнате ветром распахнуло окно. Несколько дней спустя всего в пятидесяти милях от Академии Йэнси разразился самый мощный торнадо, какой только видели в Гудзон-Вэлли. На уроках обществознания нам рассказывали, что в этом году очень много самолетов разбились над Атлантикой, застигнутые врасплох внезапными вихрями.

У меня начали сдавать нервы, почти все время я ходил раздраженный. Перебивался с троек на двойки. Постоянно собачился с Нэнси Бобофит и ее подружками. И почти на каждом уроке меня выгоняли из класса.

В конце концов, когда учитель английского мистер Николл в миллионный раз спросил, почему я такой лоботряс и не желаю готовиться к диктантам, я сорвался и обозвал его забулдыгой. Что это значит, я и сам не знаю, но звучит отлично.

На следующей неделе директор отправил маме официальное уведомление о том, что в следующем году в Академии Йэнси меня не ждут.

Класс, сказал я себе. Просто класс.

Мне очень хотелось домой.

Хотелось к маме, в нашу квартирку в Верхнем Ист-Сайде, даже если при этом мне придется ходить в обычную школу и терпеть своего мерзкого отчима и его дружков, приходивших к нему поиграть в покер.

И все же... я понимал, что кое-чего из Йэнси мне будет не хватать. Вида на далекую реку Гудзон из окна моей комнаты и запаха сосен. Гроувера, который был мне хорошим другом, хотя и чудаковатым. Я волновался, что ему, должно быть, трудно придется в следующем году без меня.

А еще мне будет не хватать уроков латыни: безумных викторин мистера Браннера и его уверенности, что я со всем справлюсь.

Из всех экзаменов я готовился только к латыни. Я не забыл слова мистера Браннера о том, что он учит меня жизненно важным вещам. Не знаю почему, но я начинал ему верить.

Вечером перед экзаменом я так разозлился, что швырнул «Кембриджский справочник по греческой мифологии» через всю комнату. Слова сползали со страниц, кружились у меня в голове, буквы поворачивались на сто восемьдесят градусов, будто заделались скейтерами. Можно было даже не надеяться, что я запомню, чем отличаются Хирон и Харон или Полидект и Полидевк. А спряжение латинских глаголов? Ноль шансов.

Я мерил шагами комнату, и мне казалось, будто под футболкой у меня ползают муравьи. Мне вспомнились тысячетелные глаза мистера Браннера. *«От вас я ожидаю только лучших результатов, Перси Джексон».*

Я тяжело вздохнул и поднял справочник по мифологии.

Раньше мне не приходилось просить учителей о помощи. Может, мистер Браннер смог бы мне что-нибудь подсказать. По крайней мере я бы мог извиниться за жирную двойку, которую получу на его экзамене. Не хотелось, чтобы, когда я уйду из Академии Йэнси, он решил, будто я не особо старался.

Я спустился к учительским кабинетам. Большинство из них были темными и пустыми, но дверь мистера Браннера оказалась приоткрыта, а на полу виднелась полоса света, проникающего через окошко.

Когда до двери оставалась всего пара шагов, я услышал в кабинете голоса. Мистер Браннер о чем-то спросил. Голос Гроувера – а это точно был он – ответил:

– ...беспокоился за Перси, сэр.

Я замер.

Вообще-то я обычно не подслушиваю, но спорим, даже ты бы не устоял, услышав, как лучший друг разговаривает о тебе со взрослым.

Я подошел поближе.

– ...один летом, – сказал Гроувер. – Ну, то есть Милостивая прямо *в школе!* Теперь, когда мы уверены, и *они* тоже знают...

– Если будем его торопить, сделаем только хуже, Гроувер, – возразил мистер Браннер. – Мальчик должен повзрослеть.

– Но, возможно, у него нет времени. Когда наступит летнее солнцестояние...

– Обойдемся без него, Гроувер. Пусть наслаждается неведением, пока может.

– Сэр, он ее *видел*.

– Просто воображение, – настаивал мистер Браннер, – Действие Тумана на учеников и педагогов убедит его в этом.

– Сэр, я... я не могу снова напортачить, – голос у Гроувера дрожал от переполняющих его эмоций. – Вы понимаете, к чему это приведет.

– Это не твоя вина, Гроувер, – мягко сказал мистер Браннер. – Я должен был ее вычислить. А теперь давай сделаем так, чтобы Перси дожил до следующей осени...

Справочник по мифологии выпал у меня из рук и грохнулся на пол.

Мистер Браннер замолчал.

С бухающим в груди сердцем я поднял книгу и попятился.

За освещенным стеклом двери в кабинет Браннера скользнула тень кого-то, кто был куда выше, чем прикованный к коляске учитель, с чем-то подозрительно похожим на лук в руках.

Открыв ближайшую дверь, я шмыгнул внутрь.

Через несколько секунд раздалось размеренное *цок-цок-цок*, похожее на приглушенный звук вуд-блока³, и прямо за дверью раздалось сопение какого-то зверя. Большая темная фигура на миг застыла за стеклом и прошла мимо.

У меня по шее скользнула капелька пота.

В коридоре раздался голос мистера Браннера.

³ Вуд-блок – небольшой ударный инструмент.

- Ничего, – пробормотал он. – У меня с самого зимнего солнцестояния нервы шалят.
- У меня тоже, – признался Гроувер. – Но я готов поклясться...
- Возвращайся в общежитие, – велел ему мистер Браннер. – Завтра у тебя экзамены.
- Не напоминайте.

Свет в кабинете мистера Браннера погас.

Я еще целую вечность просидел в темноте.

Наконец я выбрался в коридор и поднялся обратно в комнату.

Гроувер лежал на кровати, штудирова конспекты по латыни, словно весь вечер никуда не отлучался.

- Привет. – Он сонно взглянул на меня. – Как подготовка к экзамену?

Я ничего не ответил.

- Отвратно выглядишь, – нахмурился он. – Все хорошо?

- Просто... устал.

Я отвернулся, чтобы он не видел моего лица, и начал готовиться ко сну.

Я не понимал, чему стал свидетелем. И хотел поверить, что просто все выдумал. Но одно было ясно: Гроувер и мистер Браннер говорили обо мне у меня за спиной. И считали, что мне грозит опасность.

На следующий день, когда я вышел с трехчасового экзамена по латыни, а в глазах у меня рябило от имен греческих и римских богов, которые я так и не смог написать правильно, мистер Браннер позвал меня обратно в класс. На секунду я испугался: а вдруг он узнал, что я вчера подслушивал? Но, похоже, дело было не в этом.

- Перси, – сказал он. – Не огорчайся, что тебя исключают из Йэнси. Это... это к лучшему.

Он говорил доброжелательно, но я все равно смутился. Несмотря на то что сказано это было тихо, ребята, заканчивающие писать тест, всё слышали. Нэнси Бобофит ухмыльнулась и издевательски чмокнула воздух.

- Да, сэр, – промямлил я.

– Понимаешь... – мистер Браннер катал кресло взад-вперед, словно не знал что сказать. – Тебе тут не место. Рано или поздно это должно было случиться.

В глазах защипало.

Любимый учитель перед всем классом заявлял, что мне не по силам здесь учиться. Он весь год твердил, что верит в меня, а теперь говорит, что меня все равно бы выперли.

- Да, – вздрогнув, выдавил я.

– Да нет же, – продолжал мистер Браннер. – Ох, чтоб его. Я хочу сказать... ты не нормальный ребенок, Перси. И этого не стоит...

- Спасибо, – выпалил я. – Большое спасибо, сэр, что напомнили.

- Перси...

Но я уже ушел.

В последний день семестра я запихал свои вещи в чемодан.

Остальные ребята валяли дурака и хвастались планами на каникулы. Один собирался в поход по Швейцарии. Другой – в круиз по Карибскому морю на целый месяц. Они были такие же малолетние хулиганы, как и я, только *богатые*. Их папаши занимали высокие должности, были послами или звездами. А я был никто, и семья у меня была под стать.

Они спросили, чем я займусь летом, и я сказал, что возвращаюсь в город.

Правда, я не стал им сообщать, что летом мне придется работать: выгуливать собак или продавать подписки на журналы, и переживать, куда я пойду учиться осенью.

- О, – сказал один из парней. – Прикольно.

И они вернулись к прежнему разговору, будто меня вообще не существует.

Попрощаться я планировал только с Гроувером, но оказалось, что мне не придется этого делать. Он забронировал билет на тот же «Грейхаунд»⁴, что и я, и вот мы вместе отправились в город.

В автобусе Гроувер все время выглядывал в проход и присматривался к пассажирам. Он всегда нервничал и суетился, когда мы уезжали из Йэнси, словно чего-то побаивался. Раньше я думал, что он переживает из-за насмешек. Но в «Грейхаунде» никто не собирался его дразнить.

В конце концов я не выдержал.

– Высматриваешь Милостивых? – спросил я.

Гроувер чуть не выпрыгнул из кресла:

– Т-ты... ты о чем?

Я признался, что подслушал их с мистером Браннером разговор вечером перед экзаменом.

У Гроувера задергался глаз:

– И много ты услышал?

– О... совсем немного. И что будет, когда наступит летнее солнцестояние?

Он поморщился:

– Слушай, Перси... Я просто за тебя волновался, понимаешь? Сам подумай: галлюцинации о демонических училках...

– Гроувер...

– Вот я и сказал мистеру Браннеру, что ты, наверное, перенапрягся, потому что никакой миссис Доддз никогда не было, и...

– Гроувер, ты совсем-совсем не умеешь врать.

Уши у него порозовели.

Из кармана рубашки он вытащил затертую визитку.

– Просто возьми это, ладно? На тот случай, если я тебе понадобится летом.

Надпись на визитке была сделана вычурным шрифтом, и прочесть ее было настоящей пыткой для глаз дислексика, но я наконец разобрал что-то вроде:

Гроувер Ундервуд

Хранитель

Холм полукровок

Лонг-Айленд, Нью-Йорк

(800) 009-0009

– Что такое Холм полу...

– Тише ты! – взвизгнул он. – Это мой... э-э... летний адрес.

Я совсем сник. У Гроувера был летний дом. Я и не предполагал, что он может быть из богатеньких учеников.

– Ладно, – буркнул я. – На случай, если я захочу погостить в твоём особняке.

Он кивнул:

– Или... или если я тебе понадобится.

– С чего вдруг? – Прозвучало грубее, чем мне хотелось.

Лицо и шею Гроувера залила краска.

– Слушай, Перси, по правде говоря, я... я вроде как должен тебя защищать.

Я вытаращился на него.

⁴ «Greyhound Lines» – автобусная компания.

Весь год я ввязывался в драки и отваживал от него хулиганов. Я ночами не спал, переживая, что его побьют в следующем году, когда меня не будет рядом. А он тут заявляет, что это *он* защищает меня.

– Гроувер, – сказал я, – от чего конкретно ты меня защищаешь?

Под ногами у нас заскрежетало. Из-под приборной панели повалил черный дым, и на весь автобус завоняло тухлыми яйцами. Водитель выругался и повел покалеченного «Грейхаунда» к обочине.

Несколько минут он чем-то громыхал в двигателе, после чего объявил, что нам придется выходить. Мы с Гроувером и остальными пассажирами гуськом поплелись к выходу.

Мы оказались посреди шоссе, в таком месте, на которое едва ли обратишь внимание, если тут не заглохнет твой автомобиль. На нашей стороне автострады не было ничего, кроме кленов и мусора, который люди швыряют из машин. На другой стороне, за четырьмя полосами блестящего от дневной жары асфальта, стоял старомодный фруктовый ларек.

Товар в ларьке был отменный: ящики, полные кроваво-красных вишен и яблок, грецких орехов и абрикосов, бутылки с сидром, уложенные в ванну на львиных лапах и засыпанные льдом. Покупателей видно не было: только три старушки в креслах-качалках сидели в тени клена и вязали самую большую пару носков, которую мне доводилось видеть.

Серьезно, это явно были носки, только размером со свитер. Старушка справа вязала один. Старушка слева – другой. Старушка посередине держала огромную корзину с пряжей цвета электрик.

На вид они были очень древние: бледные, морщинистые лица, серебряные волосы собраны в пучок под белыми косынками, костлявые руки, торчащие из выцветших хлопковых платьев.

И самое странное: они как будто смотрели прямо на меня.

Я оглянулся на Гроувера и собирался уже что-то сказать, но увидел, что в лице у него ни кровинки, а нос подергивается.

– Гроувер? – позвал я. – Эй, дружище...

– Скажи, что они не смотрят на тебя. Они ведь смотрят?

– Ага. Странно, да? Думаешь, эти носки будут мне как раз?

– Не смешно, Перси. Вообще не смешно.

Средняя старушка достала большие ножницы: серебряные с золотым, лезвия у них были очень длинные. Гроувер судорожно вздохнул.

– Возвращаемся в автобус, – сказал он. – Пошли.

– Чего? – удивился я. – Там жара градусов в тысячу.

– Пошли! – Он открыл дверь и забрался внутрь, а я остался на улице.

Старушки на той стороне дороги по-прежнему наблюдали за мной. Средняя перерезала нитку, и, клянусь, даже сквозь шум машин я услышал, как она порвалась. Ее подруги свернули ярко-синие носки, и оставалось только гадать, кому они предназначались – Сасквочу⁵ или Годзилле⁶.

Водитель выдернул откуда-то из двигателя здоровенный кусок дымящегося металла, и мотор снова взревел.

Пассажиры обрадовались.

– Наконец-то, чтоб его! – воскликнул водитель и хлопнул о стенку автобуса шапкой. – Все на борт!

Когда мы поехали, меня залихорадило, как при простуде.

Гроувер выглядел не лучше. Он дрожал и стучал зубами.

⁵ Сасквоч – мифическое человекоподобное существо огромного роста.

⁶ Годзилла – гигантский ящер, герой множества кинофильмов.

– Гроувер?

– Что?

– Что ты от меня скрываешь?

Он вытер лоб рукавом:

– Перси, что ты видел там, у ларька?

– Ты про старушек? А что? Они же не такие... как миссис Доддз, да?

По его лицу было трудно что-то понять, но мне показалось, что старушки с фруктами были кем-то намного-намного страшнее, чем миссис Доддз.

– Просто расскажи, что видел, – попросил он.

– Средняя старушка достала ножницы и разрежала пряжу.

Он закрыл глаза и сделал такой жест, будто перекрестился. Но жест был другой – древнее что ли.

– Ты видел, как она перерезала нить, – сказал он.

– Да. И что?

Уже сказав это, я понял, что случилось нечто важное.

– Ничего этого нет, – забормотал Гроувер и начал жевать большой палец. – Не хочу, чтобы все было как в прошлый раз.

– Какой еще прошлый раз?

– Всегда в шестом классе. Они никогда не переходят в седьмой.

– Гроувер. – Он в самом деле начал меня пугать. – О чем ты говоришь?

– Я провожу тебя домой со станции. Обещай, что позволишь.

Просьба показалась мне странной, но я пообещал.

– Это какая-то примета? – спросил я.

Ответа не последовало.

– Гроувер, а то, что она перерезала нить, – это значит, что кто-то умрет?

Он горестно взглянул на меня, будто прикидывая, какой букет я хотел бы видеть у себя на могиле.

Глава третья

Гроувер внезапно остается без штанов

Признаюсь: я свалил от Гроувера, как только мы оказались на станции.

Знаю, знаю. Это нехорошо. Но он меня бесил: смотрел как на мертвеца, бормоча: «Ну почему всегда так?» и «Почему вечно в шестом классе?»

Когда Гроувер нервничал, его мочевой пузырь тут же давал о себе знать, поэтому неудивительно, что, сойдя с автобуса, он взял с меня обещание дождаться его и помчался напрямик в туалет. Но ждать я не стал: схватил чемодан, выскользнул на улицу и поймал первое же такси в сторону города.

– Угол Восточной Сто четвертой и Первой, – сказал я водителю.

Пару слов о моей маме, прежде чем ты с ней познакомишься.

Ее зовут Салли Джексон, и лучше нее нет никого на свете. Это только подтверждает мою теорию о том, что самым хорошим людям катастрофически не везет. В пятилетнем возрасте она лишилась родителей – они погибли в авиакатастрофе – и попала на воспитание к дяде, которому не было до нее особого дела. Она хотела стать писательницей и в старших классах подрабатывала, чтобы скопить денег на колледж с хорошей программой по литературному мастерству. Когда она училась в выпускном классе, ее дядя заболел раком, и ей пришлось бросить школу, чтобы ухаживать за ним. После его смерти она осталась без денег, без семьи и без аттестата.

В ее жизни было лишь одно хорошее событие – встреча с моим отцом.

Я его почти не помню: в памяти осталось только тепло – может, неуловимый след его улыбки? Мама не любит говорить о нем, потому что расстраивается. И фотографий у нее не осталось.

Понимаешь, они не были женаты. Она рассказывала, что он был богатым и влиятельным и им приходилось скрывать свои отношения. А однажды он поплыл через Атлантику по каким-то важным делам и больше не вернулся.

Пропал в море, сказала мама. Не погиб. Пропал.

Она бралась за всякую непонятную работу, ходила в вечернюю школу, чтобы получить аттестат, и воспитывала меня одна. Никогда не жаловалась и не сердилась. Ни разу. Но я знал, что со мной было непросто.

Наконец она вышла замуж за Гейба Ульяно, который с полминуты после знакомства казался неплохим парнем, но потом явил свою истинную натуру – первосортный придурок. В детстве я придумал ему прозвище Вонючка Гейб. Уж извини, но вонючкой он и был. От него разило, как от плесневелой пиццы с чесноком, завернутой в потные спортивные шорты.

Между нами говоря, маме приходилось нелегко с нами обоими. То, как Вонючка Гейб с ней обращался, наши с ним отношения... в общем, мое возвращение домой – хороший тому пример.

Я вошел в нашу квартиру, надеясь, что мама уже вернулась с работы. Но вместо этого увидел в гостиной Вонючку Гейба и его приятелей за игрой в покер. Орал спортивный ТВ-канал. Пол был завален чипсами и пивными банками.

Мельком взглянув на меня, он сказал, не вынимая изо рта сигару:

– Приехал, значит.

– Где мама?

– На работе, – ответил он. – Бабло есть?

Вот и все. Никаких тебе *«Добро пожаловать»*, *«Рад тебя видеть»*, *«Как дела?»*.

Гейб потолстел. Он стал похож на приодевшегося в секонд-хенде моржа, только без бивней. Свои три волосины он старательно прилизал на лысине, как будто это делало его хоть сколько-нибудь симпатичней.

Он работал менеджером в магазине электроники в Куинсе, но по большей части просто сидел дома. Понятия не имею, почему его давным-давно не уволили. Он только и делал, что получал зарплату и спускал деньги на сигары, от вони которых меня тошнило, и, конечно, на пиво. Куда без пива-то? Стоило мне прийти домой – он требовал с меня деньги на ставки. Говорил, что это наш «мужской секрет», намекая, что если я расскажу маме, он даст мне в глаз.

– Нет у меня никакого бабла, – ответил я.

Он поднял сальную бровь.

Гейб чуял деньги как пес, что странно, потому что его собственная вонь перекрывала все запахи.

– Ты ехал на такси со станции, – сказал он. – Наверняка платил двадцаткой. Должно было остаться шесть-семь баксов сдачи. Если хочешь жить в моем доме, ты должен вносить свою лепту. Верно я говорю, Эдди?

Во взгляде, брошенном на меня Эдди, управляющим домом, промелькнуло сочувствие.

– Ладно тебе, Гейб, – проговорил он. – Парнишка же только приехал.

– *Верно* я говорю? – повторил Гейб.

Эдди хмуро уставился в миску с крендельками. Два других мужика одновременно испортили воздух.

– Ладно, – сказал я, вытащил деньги из кармана и швырнул их на стол. – Желаю проиграть.

– Твои оценки пришли, умник! – крикнул он мне вслед. – На твоём месте я бы не хамил.

Я захлопнул дверь в свою комнату, которая и моей-то по-настоящему не была. Во время учебы это был «рабочий кабинет» Гейба. Он ни над чем не работал, только читал старые журналы об автомобилях, но ему нравилось запихивать мои вещи в кладовку, оставлять свои грязные ботинки у меня на подоконнике и делать так, чтоб моя комната насквозь провоняла его мерзким одеколоном, сигарами и застоявшимся пивом.

Я забросил чемодан на кровать. Дом, милый дом.

Вонь Гейба была едва ли не хуже кошмаров о миссис Доддз и звука, с которым та старушка перерезала шерстяную нить.

Едва подумав об этом, я почувствовал, что у меня подкашиваются ноги. Я вспомнил испуганный взгляд Гроувера и его мольбы не ехать домой без него. Я почувствовал холодок в воздухе. Было такое ощущение, что кто-то – или что-то – ищет меня прямо сейчас, возможно, уже топает по ступенькам, отращивая жуткие длинные когти.

А потом я услышал мамин голос:

– Перси?

Она открыла дверь, и мои страхи растаяли.

Стоит маме войти в комнату – мне уже становится лучше. Ее глаза блестят и меняют цвет на свету. Улыбка греет, как теплое одеяло. В ее длинных каштановых волосах есть несколько седых прядей, но она не выглядит старой. Когда она на меня смотрит – кажется, что она видит только хорошее и ничего плохого. Я ни разу не слышал, чтобы она повышала голос или ругалась с кем-то, даже со мной или Гейбом.

– О, Перси. – Она крепко обняла меня. – Глазам не верю. Ты еще вырос с Рождества!

От ее красно-бело-голубой формы пахло лучшими вещами на свете: шоколадом, лакрицей и другими вкусностями, которыми она торгует в магазине «Сладкая Америка» на Центральном вокзале. Она принесла мне большой пакет «бесплатных образцов» – она всегда так делает, когда я возвращаюсь домой.

Мы сидели рядом на краешке кровати. Пока я приговаривал черничных червячков, она провела рукой по моим волосам и потребовала рассказать обо всем, о чем я не сообщал в письмах. И даже словом не обмолвилась о том, что меня исключили. Казалось, ее это вообще не волнует. Зато ее волновало, все ли у меня хорошо. Все ли в порядке у ее малыша?

Я сказал, что она меня задушит в объятиях, но в душе я был очень-очень рад ее видеть.

Гейб крикнул из другой комнаты:

– Эй, Салли! Как насчет бобового соуса, а?

Я закрипел зубами.

Мама – лучшая женщина на свете. Она должна была выйти за какого-нибудь миллионера, а не за этого придурка Гейба. Ради нее я старался рассказывать о последних днях в Академии Йэнси пободрее. Мол, я не особо и расстроился, когда меня исключили. На этот раз я продержался почти целый год. Подружился кое с кем, получал неплохие отметки по латыни. И честное слово, драки были совсем не такие страшные, как говорил директор. Я так расписал этот учебный год, что и сам себе почти поверил. Когда я вспоминал о Гроувере и мистере Браннере, к горлу подступили слезы. Даже Нэнси Бобофит внезапно перестала казаться такой уж оторвой.

Пока речь не зашла об экскурсии...

– Что такое? – спросила мама. Ее глаза смотрели мне прямо в душу, готовые разглядеть все секреты. – Тебя что-то напугало?

– Нет, мам.

Врать мне не нравится. Я хотел рассказать маме о миссис Доддз и трех старушках с нитками, но подумал, что выставлю себя дураком.

Она поджала губы: видела, что я что-то скрываю, но не стала допытываться.

– У меня для тебя сюрприз, – сообщила она. – Мы едем на пляж.

У меня округлились глаза:

– В Монток?

– На три ночи – в наш домик.

– Когда?

Она улыбнулась:

– Только переоденусь.

Я не верил своему счастью. Мы с мамой уже два года не ездили летом в Монток, потому что Гейб считает, что у нас нет на это денег.

На пороге появился Гейб и зарычал:

– Бобовый соус, Салли! Ты меня слышала?

Мне хотелось ему врезать, но я встретился взглядом с мамой и понял, что она предлагает мне уговор: немного потерпеть Гейба. Пока она будет собираться. А потом мы уедем.

– Как раз собиралась, милый, – ответила она Гейбу. – Мы тут обсуждали поездку.

Гейб прищурился:

– Поездку? Ты что, серьезно говорила?

– Так и знал, – пробормотал я. – Он нас не пустит.

– Ну конечно пустит, – спокойно сказала мама. – Твой отчим просто беспокоится о деньгах. Вот и все. К тому же, – добавила она, – Габриэль получит кое-что получше бобового соуса. Я приготовлю ему столько семислойного соуса, что хватит на все выходные. Гуакамолем. Смелана. И всё остальное.

Гейб немного смягчился:

– А деньги на поездку... ты же возьмешь из тех, что отложены тебе на одежду?

– Да, милый, – кивнула мама.

– И вы не будете абы где кататься на моей тачке: только туда и обратно.

– Мы будем очень аккуратны.

Гейб почесал двойной подбородок:

– Может, если ты поторопишься с семислойным соусом... И если парень извинится за то, что помешал нам играть.

Или, может, если я пну тебя куда следует, подумал я. Чтобы ты неделю пел сопрано.

Но мама взглядом попросила не злить его.

Мне хотелось крикнуть: зачем она вообще терпит этого мужика?! С чего ее волнует его мнение?

– Извини, – пробормотал я. – Мне очень жаль, что я помешал вашей важной игре в покер. Возвращайся же к ней скорее.

Гейб прищурился. Похоже, его крохотный мозг пытался уловить сарказм в моих словах.

– Черт с вами, – решил он. И отправился играть в карты.

– Спасибо, Перси, – сказала мама. – Когда будем в Монтоке, еще поговорим о... о том, что ты забыл мне рассказать, ладно?

На миг мне показалось, что в ее глазах мелькнула тревога – тот же страх, который мучил Гроувера в автобусе, – словно мама тоже почувствовала тот странный холодок.

Но она снова улыбнулась, и я понял, что ошибся. Она взъерошила мне волосы и пошла делать семислойный соус для Гейба.

Через час мы были готовы.

Гейб отвлекся от игры только затем, чтобы проследить, как я тащу мамины сумки к машине. Он всё жаловался и стонал, как он будет страдать, оставшись без маминой готовки – и главное, без его «Самаго» 1978 года – на целые выходные.

– Чтобы ни царапины не было на машине, умник, – предупредил он меня, когда я закидывал последнюю сумку. – Даже малюсенькой.

Как будто это я собирался сесть за руль. Двенадцатилетка. Но Гейбу было плевать. Даже если чайка нагадит ему на капот, виноват буду я.

Глядя, как он враскоряку шагает обратно к дому, я так разозлился, что неожиданно для себя кое-что сделал. Когда Гейб был на пороге, я повторил жест Гроувера, который видел в автобусе, что-то вроде оберега от зла: скрючив пальцы, я поднес руку к сердцу и резко вытянул ее в направлении Гейба. Дверь захлопнулась, с такой силой ударив его по заднице, что он взлетел по лестнице, будто снаряд, выпущенный из пушки. Может, это был просто ветер или что-то странное случилось с петлями – я не стал выяснять.

Я забрался в «Самаго» и велел маме жать на газ.

Домик, который мы снимаем, находится на южном берегу, у оконечности Лонг-Айленда. Это домишко пастельного цвета с выцветшими занавесками, наполовину утонувший в дюнах. Простыни в песке, в шкафах шныряют пауки, а море почти всегда слишком холодное для купания.

Я обожаю это место.

Мы приезжаем сюда с самого моего детства. А мама приезжала и до этого. Она никогда прямо не говорила, но я знал, почему этот пляж для нее так важен. Здесь она познакомилась с моим папой.

Чем ближе мы были к Монтоку, тем моложе она казалась: следы многолетних забот и труда исчезали с ее лица. А глаза становились цвета моря.

Мы прибыли на закате, открыли в домике все окна и, как обычно, прибрались. Мы гуляли по пляжу, кормили чаек синими кукурузными чипсами и жевали синие железные конфеты, синие соленые ириски и другие сладости, которые мама принесла с работы.

Думаю, нужно объяснить, почему всё это было синим.

В общем, как-то раз Гейб сказал маме, что синей еды не бывает. Они слегка повздорили – обычное дело. Но с тех пор мама старалась готовить только синюю еду. Она пекла синие торты

на дни рождения. Готовила черничные смузи. Покупала чипсы из синей кукурузы и приносила с работы синие конфеты. Это – а еще то, что она оставила девичью фамилию Джексон и не захотела называться миссис Ульяно, – доказывало, что Гейбу не удалось совсем запудрить ей мозги. Была в ней, как и во мне, бунтарская жилка.

Когда стемнело, мы развели огонь и стали жарить сосиски и маршмеллоу. Мама рассказывала о своем детстве, каким оно было задолго до гибели ее родителей. Она говорила о книгах, которые хотела написать когда-нибудь, когда накопит достаточно денег, чтобы уволиться из кондитерского магазина.

Наконец я собрался с духом и спросил о том, что всегда занимало мои мысли, когда мы приезжали в Монток, – об отце. Взгляд мамы затуманился. Я думал, она расскажет то, что я уже много раз слышал, – но каждый раз рад послушать снова.

– Он был добрым, Перси, – сказала она. – Высоким, красивым и сильным. А еще нежным. Знаешь, у тебя ведь его черные волосы и зеленые глаза. – Мама достала из пакета синюю мармеладку. – Я бы хотела, чтобы он увидел тебя, Перси. Он бы тобой гордился.

Это не укладывалось у меня в голове. Что было во мне такого замечательного? Дислексик, гиперактивный ребенок, троечник, которого выгнали из школы шестой раз за шесть лет.

– Сколько мне было? – спросил я. – Ну... когда он ушел?

Она смотрела на огонь.

– Он провел со мной всего одно лето, Перси. Здесь, на этом самом пляже. В этом домике.

– Но... он же видел меня маленьким.

– Нет, милый. Он знал, что я жду ребенка, но никогда тебя не видел. Ему пришлось уехать до того, как ты родился.

Я старался увязать это со своими воспоминаниями... об отце. Теплый свет. Улыбка.

Я был в полной уверенности, что он видел меня, когда я был младенцем. Мама никогда не говорила об этом, но я знал, что это было. А теперь вот узнаю, что он никогда меня не видел...

Я разозлился на отца. Может, это глупо, но я был обижен на него за то, что он отправился в океанское плавание, и за то, что у него не хватило смелости жениться на маме. Он бросил нас, и теперь мы увязли с Вонючкой Гейбом.

– Ты снова отправишь меня из дома? – спросил я. – В другую школу-интернат?

Она вытащила маршмеллоу из огня.

– Не знаю, милый, – серьезно сказала она. – Наверное... наверное, нам придется что-то предпринять.

– Потому что я тебе мешаю? – Я пожалел об этих словах, как только они вырвались.

Мамины глаза наполнились слезами. Она взяла мою руку и крепко сжала ее:

– О, Перси, нет. Я... я *должна*, милый. Это для твоего же блага. Я должна тебя отправить.

Ее слова напомнили мне о том, что говорил мистер Браннер: что мне будет лучше уйти из Йэнси.

– Потому что я ненормальный, – заключил я.

– Ты говоришь так, будто это что-то плохое, Перси. Но ты не понимаешь, насколько ты важен. Я думала, Академия Йэнси достаточно далеко. Думала, тебе наконец-то не будет ничего угрожать.

– Что мне может угрожать?

Она посмотрела мне в глаза, и на меня нахлынул поток воспоминаний: всё то странное и страшное, что когда-либо случалось со мной и что я пытался забыть.

Когда я был в третьем классе, какой-то мужчина в черном плаще следил за мной на детской площадке. Учителя пригрозили, что вызовут полицию, и он, ворча, ушел, но мне никто не поверил, когда я сказал, что под широкими полями шляпы у него был только один глаз – прямо посреди лба.

До этого – вот уж и впрямь далекое воспоминание, – когда я ходил в детский сад, воспитательница случайно уложила меня спать в кроватку, куда заползла змея. Мама завопила, когда пришла за мной и увидела, что я играю с обмякшей чешуйчатой веревкой: не знаю как, но я задушил ее своими пухлыми детскими ручонками.

В каждой школе со мной случалось что-нибудь жуткое, страшное, после чего мне приходилось оттуда уходить.

Я знал, что должен рассказать маме о старушках у фруктового ларька и о миссис Доддз в музее, о том, как мне померещилось, что я раскрошил училку математики мечом. Но я не мог себя заставить. Мне почему-то казалось, что это положит конец нашей поездке, а этого я не хотел.

– Я пыталась держать тебя как можно ближе к себе, – продолжала мама. – Но они сказали, что так только хуже. И остается лишь один вариант, Перси, – место, куда хотел тебя отправить твой отец. А я... я просто этого не вынесу.

– Отец хотел, чтобы я ходил в спецшколу?

– Не в школу, – тихо поправила меня мама. – В летний лагерь.

У меня голова шла кругом. С чего папе, которого даже не было рядом, когда я родился, разговаривать с мамой о летнем лагере? И если это было так важно, почему мама никогда раньше не заговорила о нем речь?

– Прости, Перси, – сказала мама, заметив мой взгляд. – Но я не могу об этом говорить. Я... я не могу отправить тебя туда. Ведь тогда, может быть, мне придется навсегда с тобой попрощаться.

– Навсегда? Но если это просто летний лагерь...

Она повернулась к костру, и по ее лицу я понял, что, если буду спрашивать дальше, она расплачется.

В ту ночь мне приснился яркий сон.

Ревела буря, и два прекрасных создания – белый конь и золотой орел – сражались насмерть на берегу, у самой кромки воды. Орел спикировал вниз и полоснул коня по морде огромными когтями. Конь встал на дыбы и лягнул орла по крылу. Они бились, а земля грохотала, и откуда-то из ее глубин раздавался чудовищный хохот, и чей-то голос подстрекал сражающихся.

Я бросился к ним, зная, что должен помешать им убить друг друга, но бежал как в замедленной съемке и понимал, что не успею. Я видел, как орел ринулся вниз, нацелив клюв в распахнутые глаза коня, и крикнул: «Нет!»

Я резко проснулся.

Снаружи и правда бушевал шторм – такие бури ломают деревья и сносят дома. За окном не было ни коня, ни орла – только вспышки молний, яркие, как солнечный свет, и двадцатифутовые волны, ударяющие в песок как боевые орудия.

Снова ударил гром, и мама тоже проснулась. Она села, широко открыв глаза, и сказала: – Ураган.

Это было безумие. На Лонг-Айленде никогда не бывает ураганов в это время. Но океан, похоже, об этом забыл. За грохотом бури я услышал далекое мычание – злобное и жуткое, – от которого у меня волосы встали дыбом.

А потом раздался звук потише, будто киянкой ударили по песку. Это был отчаянный вопль: кто-то кричал, молотя в нашу дверь.

Мама выскочила из постели прямо в ночнушке и рывком распахнула дверь.

На пороге стоял Гроувер, за спиной у которого стеной шел ливень. Только это был... не совсем Гроувер.

– Всю ночь искал, – задыхаясь, проговорил он. – О чем вы думали?!

Мама посмотрела на меня с ужасом – и испугалась она не Гроувера, а того, что заставило его прийти.

– Перси, – сказала она, перекрикивая дождь, – что случилось в школе? Чего ты мне не рассказал?

Я застыл, глядя на Гроувера. И никак не мог сообразить, что я такое вижу.

– *O Zeus kai alloi theoi!*⁷ – завопил он. – Он идет по пятам! Ты что, *не рассказал* ей?!

Я был слишком ошарашен, чтобы заметить, что он только что выругался на древнегреческом, а я прекрасно его понял. Я был слишком ошарашен, чтобы задаваться вопросом, как Гроувер сумел добраться сюда самостоятельно посреди ночи. Потому что на нем не было штанов, а вместо ног... а вместо ног...

Мама сурово посмотрела на меня и тоном, какого я раньше от нее никогда не слышал, велела:

– Перси. Рассказывай, *живо!*

Я промямлил что-то про старушек у фруктового ларька и про миссис Доддз, а мама в ужасе смотрела на меня, и в свете молний ее лицо было мертвенно-бледным.

Она схватила сумочку, бросила мне дождевик и сказала:

– Идите в машину. Оба. *Быстро!*

Гроувер побежал к «Самаго», правда, это был не совсем бег. Он трусил, тряся лохматым задом, и вдруг его байка про ножные мышцы нашла объяснение. Я понял, почему он умел быстро бегать, хотя хромал при ходьбе.

Дело в том, что там, где должны находиться его ступни, никаких ступней не было. На их месте были раздвоенные копыта.

⁷ Зевс и остальные боги (*греч.*).

Глава четвертая

Мама учит меня корриде

Мы неслись по темным ночным дорогам. «Самага» сотрясали удары ветра. Дождь заливал лобовое стекло. Я не знаю, как мама умудрялась разглядеть что-то сквозь него, но она упрямо жала на газ.

При каждой вспышке молнии я поглядывал на сидящего рядом со мной на заднем сиденье Гроувера и гадал: это я сошел с ума или он зачем-то нацепил штаны из мохнатого ковра? Но нет, пахло от него как в контактном зоопарке, куда я когда-то в детсадовском возрасте ходил на экскурсию, – ланолином, шерстью. Как от мокрого козла или барана.

Я не знал, как начать разговор, и поэтому спросил:

– Так вы... с моей мамой знакомы?

Гроувер взглянул в зеркало заднего вида, хотя машин позади нас не было.

– Не совсем, – ответил он. – То есть лично мы не встречались. Но она знала, что я за тобой присматриваю.

– Присматриваешь?

– Оберегаю. Слежу, чтобы с тобой ничего не случилось. Но я не притворялся твоим другом, – тут же добавил он. – Я и правда твой друг.

– Ммм... а кто ты *на самом деле*?

– Сейчас это неважно.

– Неважно?! Мой друг ниже пояса осел...

Из горла Гроувера вырвалось резкое «Ммее-ее!».

Я и раньше слышал такое от него, но думал, что это нервный смешок. Но теперь это больше походило на сердитое бление.

– Козел! – воскликнул он.

– Что?

– Я ниже пояса *козел*.

– Ты же сказал, что это неважно.

– Ммее-ее! За такое оскорбление иные сатиры могут и в землю копытами втоптать.

– Та-ак. Погоди-ка. Сатиры. Типа как... в мифах мистера Браннера?

– Те старушки у ларька показались тебе *мифическими*, Перси? А миссис Доддз?

– Ага, значит, миссис Доддз все-таки *была*!

– Ну конечно.

– Тогда зачем...

– Чем меньше ты знал, тем меньше привлекал монстров, – ответил Гроувер с таким видом, будто констатировал очевидное. – Мы застили людям глаза Туманом. И надеялись, что ты решишь, будто Милостивая была галлюцинацией. Но все было бесполезно. Ты начал понимать, кем являешься.

– Кем яв... постой, ты о чем?

Жуткое мычание раздалось снова – позади нас, куда ближе, чем раньше. Кто бы за нами ни гнался, он не отставал.

– Перси, – вмешалась мама, – это долго объяснять, а времени нет. Нужно отвезти тебя в безопасное место.

– Но в чем опасность? Кому я понадобился?

– Да так, ничего особенного, – сказал Гроувер, явно еще обиженный на меня за осла. – Всего лишь Владыка мертвых и парочка его самых свирепых приспешников.

– Гроувер!

– Извините, миссис Джексон. А вы можете ехать быстрее?

Я пытался осмыслить, что происходит, но у меня не получалось. Я знал, что это не сон. Фантазия у меня буйная, но не до такой степени. И мне не могло присниться что-то настолько странное.

Мама резко свернула налево. Мы вырулили на дорогу поуже и помчались мимо темных фермерских домов, лесистых холмов и табличек «СОБЕРИ СЕБЕ ЗЕМЛЯНИКИ» на белых заборах.

– Куда мы едем? – спросил я.

– В летний лагерь, о котором я рассказывала, – голос мамы звучал напряженно. Ради меня она старалась храбриться. – Место, куда хотел тебя отправить отец.

– Место, куда ты не хотела меня отправлять.

– Милый, пожалуйста! – взмолилась мама. – Мне и так тяжело. Постарайся понять. Ты в опасности.

– Потому что какие-то старушки разрезали пряжу?

– Это были никакие не старушки, – сказал Гроувер. – А Мойры. Как думаешь, что значит их появление? Они появляются, только если ты скоро... Если кто-то скоро умрет.

– Постой-постой. Ты сказал «ты».

– Нет. Я сказал «кто-то».

– Ты хотел сказать «ты» в смысле я.

– Я хотел сказать «ты» в смысле «кто-то». А не ты.

– Мальчики! – одернула нас мама.

Она резко крутанула руль направо, и я заметил силуэт того, от кого она пыталась оторваться, – темную фигуру, которая, скрытая бурей, осталась позади нас.

– Что это было? – спросил я.

– Мы почти на месте, – сказала мама, не ответив на мой вопрос. – Осталась одна миля. Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста.

Я не знал, что это за «место» такое, но вдруг понял, что сижу, наклонившись вперед, и мысленно подгоняю машину.

Снаружи были лишь ливень и темнота – пустынный ландшафт окончности Лонг-Айленда. Я вспомнил о миссис Доддз и о том, как она превратилась в чудовище с острыми клыками и кожистыми крыльями. От запоздалого шока у меня онемели руки и ноги. Она *и правда* не была человеком. И хотела меня убить.

Потом я подумал о мистере Браннере... и о мече, который он мне кинул. Прежде чем я успел спросить об этом у Гроувера, на затылке у меня волосы встали дыбом. Ослепительно сверкнула молния, раздался зубодробительный «бабах!» – и наша машина взорвалась.

Я помню чувство невесомости, меня будто раздавили, поджарили и окатили водой в один и тот же миг.

Отлепив лоб от водительского сиденья, я пробормотал:

– Ох.

– Перси! – вскрикнула мама.

– Я в норме...

Я пытался стряхнуть оцепенение. Я не умер. Машина на самом деле не взорвалась. Мы съехали в кювет. Двери с водительской стороны завязли в грязи. Крыша треснула как яичная скорлупа, и салон заливал дождь.

Молния. Это было единственное объяснение. Ее ударом нас вышибло с дороги. Рядом со мной лежал без движения большой куль.

– Гроувер!

Он лежал подавшись вперед, из уголка рта у него тонкой струйкой сочилась кровь. Я толкнул его мохнатую ногу, а в голове пронеслось: «Нет! Пусть ты и зверь наполовину, но ты мой лучший друг, не умирай!»

Он застонал:

– Еды!

И я понял, что еще не все потеряно.

– Перси, – начала мама, – мы должны... – тут она осеклась.

Я оглянулся. В свете молнии сквозь заляпанное заднее стекло я разглядел темный силуэт, который, переваливаясь, двигался к нам с обочины. От его вида у меня побежали мурашки. Это был здоровяк вроде футболиста, и он шел, держа над головой покрывало. У незнакомца был мощный мохнатый торс. А поднятые руки походили на рога.

Я нервно сглотнул:

– Кто этот...

– Перси, – серьезно сказала мама. – Вылезай из машины.

Она толкнула водительскую дверь, но из-за грязи ту заклинило. Я попробовал открыть свою. Она тоже не поддавалась. В отчаянии я перевел взгляд на дыру в крыше. Сквозь нее можно было пролезть, вот только ее края шипели и дымились.

– Выбирайся через пассажирскую! – велела мама. – Перси... тебе нужно бежать. Видишь то большое дерево?

– *Что?*

В новой вспышке молнии сквозь дымящуюся дыру в крыше я разглядел дерево, о котором она говорила, – громадную президентских размеров сосну⁸ на вершине ближайшего холма.

– Это граница, – продолжала она. – За холмом, в долине, ты увидишь большой дом. Беги туда и не оглядывайся. Зови на помощь. Не останавливайся, пока не добежишь до порога.

– Мам, ты со мной.

Она была бледной, а глаза у нее были такими же печальными, как тогда, когда она смотрела на океан.

– Нет! – крикнул я. – Ты *со мной*. Помоги мне тащить Гроувера.

– Еды! – простонал Гроувер, на этот раз чуть громче.

Человек с покрывалом над головой подходил всё ближе, крихтя и фыркая. Тут я понял, что никакого покрывала он держать не может, потому что, двигаясь к нам, он размахивал руками – здоровенными мускулистыми руками. Значит, не было никакого покрывала. Мохнатая масса, которая была слишком огромной, чтобы принять ее за его голову, оказалась... его головой. А то, что казалось рогами...

– Он пришел *не за нами*, – сказала мама. – Ему нужен ты. А я все равно не смогу пересечь границу.

– Но...

– Нет времени, Перси. Беги. Прошу тебя.

И я разозлился: на маму, на козлоногого Гроувера, на рогатое чудовище, которое шло к нам нарочито медленно, как бык.

Я перелез через Гроувера и открыл дверь, за которой хлестал ливень:

– Мы пойдем вместе. Ну же, мама.

– Я уже сказала...

– Мама! Я тебя не брошу. Помоги мне с Гроувером.

Не дожидаясь ответа, я выбрался наружу и вытащил друга из машины. Он оказался на удивление легким, но без маминой помощи далеко мне было его не унести.

⁸ Ежегодно в Голубом зале Белого дома – резиденции президента США – устанавливают большую рождественскую елку.

Мы с мамой закинули руки Гроувера себе на плечи и поковыляли к вершине холма сквозь мокрую, доходящую до пояса траву.

Обернувшись, я впервые сумел как следует разглядеть монстра. Росту в нем было не меньше семи футов, а руки у чудовища были как у парней с обложки журнала «Здоровяк»: раздутые бицепсы, трицепсы и всякие другие «цепсы» выделялись под испещренной венами кожей. Из одежды на нем были только трусы – белоснежные трусы фирмы «Fruit of the Looms», – что было бы смешно, если бы верхняя половина его тела не внушала дикий ужас. Ее покрывала жесткая бурая шерсть, которая от пупка к плечам становилась все гуще.

Шею – чудовищную массу из мышц и шерсти – венчала огромная голова. Морда чудовища по длине могла сравниться с моей рукой, ноздри, в которых блестело латунное кольцо, сочились слизью, черные глаза были полны злобы, а рога – гигантские черно-белые рога – были острее карандашей, заточенных электрической точилкой.

Да уж, я узнал этого монстра. Историю о нем мистер Браннер рассказал нам одной из первых. Но он не мог быть настоящим.

Я моргнул, смахнув с век капли дождя:

– Это же...

– ...сын Пасифаи, – сказала мама. – Знать бы раньше, что они настолько сильно хотят твоей смерти.

– Но он Мин...

– Не называй его имени, – предостерегла она меня. – В именах скрыта сила.

До сосны на холме было еще далеко – по меньшей мере сотня ярдов.

Я снова оглянулся.

Человек-бык, нависнув над нашей машиной, заглядывал в окна. Вернее, не совсем заглядывал. Скорее приюхивался. Зачем он это делал, я не понял – ведь мы были от него в каких-то пятидесяти футах.

– Еда? – простонал Гроувер.

– Тсс, – шикнул я. – Мама, что он делает? Разве он нас не видит?

– Зрение и слух у него отвратительные, – ответила она. – Он полагается на чутье. Но скоро он поймет, где мы.

Как по команде человек-бык яростно замычал. Он схватил «Самаго» Гейба за разорванную крышу – так, что шасси закрипело, – поднял автомобиль над головой и швырнул его на дорогу. Машина ударилась о мокрый асфальт и протащилась по нему, высекая искры, еще полмили, прежде чем окончательно остановиться. А потом взорвался бензобак.

«Чтобы ни царапины не было», – наказывал Гейб.

Упс.

– Перси, – сказала мама, – когда он нас заметит, то атакует. Жди до последнего, а потом отпрыгни в сторону. Он не умеет быстро менять направление при атаке. Ты понял?

– Откуда ты все это знаешь?

– Я давно боялась нападения. Мне следовало его ожидать. Я повела себя как эгоистка, когда не захотела расставаться с тобой.

– Не захотела расставаться? Но...

Меня прервало разъяренное мычание, и человек-бык затопал вверх по склону.

Он учуял нас.

До сосны оставалась пара ярдов, но склон становился все более крутым и скользким, а Гроувер легче не делался.

Человек-бык приближался. Еще несколько секунд – и он нас настигнет.

Несмотря на усталость, мама взвалила Гроувера на себя:

– Беги, Перси! Беги один! Помни, что я сказала.

Мне не хотелось оставлять ее, но я чувствовал, что она права: это был наш единственный шанс. Я рванул налево, обернулся – и увидел, что чудовище движется в мою сторону. В черных глазах светилась ненависть. От монстра несло тухлым мясом.

Он опустил голову и бросился на меня, нацелив острые рога прямо мне в грудь.

Комок страха у меня в животе приказывал бежать, но это не помогло бы. Чудовище было слишком быстрым. Поэтому я собрался с духом и ждал, а в последний момент отпрыгнул в сторону.

Человек-бык пронесся мимо как товарняк, разгневанно замычал и повернулся, только на этот раз не ко мне, а к маме, которая устраивала Гроувера в траве.

Мы были на гребне холма. Я видел долину внизу, в точности как говорила мама, и дом, огни которого светились желтым сквозь струи дождя. Но до него было еще полмили. Нам ни за что не успеть.

Человек-бык закричал, ударяя ногой в землю. Он не сводил глаз с мамы, которая теперь медленно спускалась по склону к дороге, стараясь увести монстра от Гроувера.

– Беги, Перси! – велела она. – Дальше мне не пройти. Беги!

Но я стоял на месте, скованный страхом, и смотрел, как чудовище бросилось на нее. Она попыталась отскочить в сторону, как учила меня, но монстр усвоил урок. Когда она попыталась уйти с дороги, он выбросил руку и схватил ее за горло. Он поднял ее над землей, а она билась в его хватке, дергая ногами и колотя по воздуху.

– Мама!

Она поймала мой взгляд и сумела выдать последнее слово:

– Беги!

Но тут монстр с ревом сжал ее горло, и мама испарилась, превратившись в сияющий золотистый силуэт, похожий на голограмму. Ослепительная вспышка – и она просто... исчезла.

– Нет!

Ярость вытеснила мой страх. Руки и ноги налились новой силой – такой же, как в тот раз, когда миссис Доддз отрастила когти.

Человек-бык направился к Гроуверу, беспомощно лежащему в траве. Монстр навис над моим лучшим другом и обнюхал его, словно собирался и его поднять в воздух и уничтожить.

Этого я допустить не мог.

Я снял красный дождевик.

– Эй! – крикнул я, размахивая дождевиком и подбегая к чудовищу со стороны. – Эй, придурок! Фарш говяжий!

– Раааарррр! – Чудовище повернулось ко мне, потрясая здоровенными кулаками.

У меня появилась идея – глупая, но выбирать не приходилось. Я отбежал обратно к сосне и принялся размахивать красным дождевиком перед монстром, рассчитывая отпрыгнуть в сторону в последний момент.

Но все пошло не по плану.

Человек-бык оказался слишком быстрым, он бежал ко мне, расставив руки, готовый схватить, как бы я ни старался увернуться.

Время замедлилось.

Мои ноги напряглись. В сторону отскочить не вышло бы, и я подпрыгнул вверх, оттолкнулся от головы монстра как от трамплина, перевернулся в воздухе и приземлился чудовищу на шею.

Как мне это удалось? Времени, чтобы обдумывать это, у меня не было. Через долю секунды голова монстра ударила в дерево, отчего у меня чуть не повылетали зубы.

Человек-бык метался, пытаясь меня стряхнуть. Чтобы удержаться, я схватился за его рога. Гром и молнии ударяли все сильнее. Дождь заливал мне глаза, вонь протухшего мяса выжигала ноздри.

Монстр трясся и мотал головой, как бык на ринге. Попытившись, он мог бы впечатать меня в дерево и раздавить, но я начал понимать, что у этой твари был только один режим движения: вперед.

В траве застонал Гроувер. Я хотел крикнуть, чтобы он заткнулся, но меня так трясло, что, открой я рот – тут же откусил бы себе язык.

– Еды! – стонал Гроувер.

Человек-бык повернулся к нему и снова принялся бить ногой в землю, готовясь к атаке. Я вспомнил, как он выдавил жизнь из моей матери, заставив ее исчезнуть во вспышке света, и ярость переполнила меня как высокооктановое топливо. Я обеими руками схватился за рог и изо всех сил потянул назад. Монстр напрягся, удивленно хрюкнул, а потом – *щелк!*

Человек-бык заревел и сбросил меня. Я упал на спину в траву и ударился головой о камень. Когда я сел, в глазах плыло, но в руках у меня был рог – шероховатое костяное оружие размером с нож.

Монстр бросился в атаку.

Не раздумывая, я перекатился на бок и поднялся на колени. Когда чудовище оказалось рядом, я воткнул обломанный рог ему в бок, прямо под мохнатые ребра.

Человек-бык взревел от боли. Он размахивал руками, хватался за грудь, а потом вдруг начал растворяться – не как мама, превращаясь в золотую вспышку, а рассыпаясь по ветру песком, как миссис Доддз.

Монстр испарился.

Дождь прекратился. Буря по-прежнему грохотала, но уже вдалеке. От меня разило хлебом, а коленки тряслись. Голова раскалывалась. Я остался без сил, испуган и дрожал от нахлынувшего на меня горя. Мама исчезла у меня на глазах. Мне хотелось лечь и расплакаться, но Гроуверу была нужна помощь, поэтому я, собравшись с силами, поднял его и заковылял в долину, навстречу огням дома. Я плакал, звал маму, но Гроувера не отпускал – лишиться еще и его я не мог.

Последнее, что я помню, – как упал на деревянном крыльце, уставившись на потолочный вентилятор. Вокруг желтого фонаря роились мотыльки, а надо мной склонились два серьезных лица: одно, казавшееся знакомым, принадлежало бородатому мужчине, а второе – симпатичной девчонке, с вьющимися, как у принцессы, светлыми волосами. Они посмотрели на меня, в потом девчонка сказала:

– Это он. Иначе и быть не может.

– Тише, Аннабет, – велел мужчина. – Он еще в сознании. Перенесем его в дом.

Глава пятая

Я играю в пинокль с конем

Мне снились странные сны о домашних животных. Большинство из них хотели меня убить. Остальные просили еды.

Кажется, несколько раз я просыпался, но то, что я видел, было таким безумным, что я тут же отключался снова. Помню, как лежал в мягкой постели и меня кормили с ложечки чем-то вроде попкорна с маслом, только в виде пудинга. Та кудрявая блондинка склонилась надо мной и, ухмыляясь, вытирала ложкой капли, стекающие у меня по подбородку.

Заметив, что я открыл глаза, она спросила:

– Что случится в день летнего солнцестояния?

– Чего? – прохрипел в ответ я.

Она оглянулась по сторонам, словно опасаясь, как бы кто не подслушал.

– Что происходит? Что украли? У нас всего несколько недель!

– Прости, – промямлил я, – я не...

В дверь постучали, и она быстро впихнула мне в рот ложку пудинга.

Когда я проснулся в следующий раз, девчонки рядом не было.

В углу стоял светловолосый чувак, крепкий как серфингист, и смотрел на меня. У него были голубые глаза – не меньше дюжины: на щеках, на лбу и на тыльных сторонах ладоней.

Когда я наконец пришел в себя, то ничего странного вокруг не заметил. Разве что все было куда приятнее, чем обычно. Я сидел в шезлонге на большом крыльце, вдали за лугом зеленели холмы. Мои ноги были укутаны покрывалом, а под шею подложена подушка. Все было замечательно, только во рту было мерзко, будто там устроили себе гнездо скорпионы. Язык пересох, и все зубы ныли.

На столе рядом стоял высокий стакан с зеленой трубочкой. Внутри было что-то вроде яблочного сока. Украшением служил бумажный зонтик, воткнутый в коктейльную вишенку.

Я взял стакан, но мои руки так ослабли, что я чуть не уронил его.

– Осторожно, – раздался знакомый голос.

Гроувер стоял, прислонившись к перилам крыльца, и вид у него был такой, будто он неделю не спал. Под мышкой у него была зажата обувная коробка, а одет он был в синие джинсы, высокие «конверсы» и ярко-оранжевую футболку с надписью «ЛАГЕРЬ ПОЛУКРОВОК». Это был старина Гроувер. А вовсе не козлоногий парень.

Может, мне и правда приснился кошмар? Может, с мамой все в порядке? Мы уехали отдыхать и зачем-то остановились в этом большом доме. И...

– Ты спас мне жизнь, – сказал Гроувер. – Я... в общем, это меньшее, что я мог сделать... Я вернулся на холм. Подумал, может, ты захочешь оставить его себе.

Он с волнением положил коробку мне на колени.

Внутри оказался черно-белый бычий рог, зазубренный у обломанного основания и перепачканный кровью на конце. Значит, это не сон.

– Минотавр, – сказал я.

– Э-э, Перси, не стоит...

– Ведь его так звали в греческих мифах? – настаивал я. – Минотавр. Получеловек-полубык.

Гроувер беспокойно потоптался на месте:

– Ты два дня был без сознания. Что ты помнишь?

– Мама. Она в самом деле...

Он опустил взгляд.

Я посмотрел вдаль. За лугом зеленели рощи, вилась речка, и под синим небом расстились земляничные поля. Долину со всех сторон окружали холмы, а на вершине самого высокого из них, расположенного прямо напротив меня, росла большая сосна. В лучах солнца даже она казалась прекрасной.

Мамы больше нет. Мир должен был погрузиться во мрак и холод. В нем не должно было остаться ничего прекрасного.

– Мне жаль, – шмыгнул носом Гроувер. – Я неудачник. Я... я худший сатир на свете.

Он застонал и с такой силой топнул ногой, что она отлетела. То есть отлетел его кед. Внутри оказался пенополистирол с углублением в форме копыта.

– Ох, Стикс! – пробормотал он.

В ясном небе загрохотало.

Пока он пытался приделать обратно фальшивую ногу, я подумал: ну что ж, сомнений быть не может.

Гроувер – сатир. Я готов был спорить, что под курчавыми каштановыми волосами у него на голове скрываются крохотные рожки. Но мне было слишком тяжело, чтобы переживать по поводу сатиров, да и минотавров тоже, которые, оказывается, существуют на самом деле. Значение имело лишь то, что мама растворилась в тисках чудовища, исчезла в желтой вспышке.

Я остался один. Сирота. Мне придется жить с... Вонючкой Гейбом? Нет уж. Этого не будет. Сначала поживу на улице. Скажу, что мне семнадцать, и запишусь в армию. Что-нибудь придумаю.

Гроувер по-прежнему хлюпал носом. Вид у бедного парня – бедного козлика, сатира или кто он там – был такой, словно его вот-вот ударят.

– Ты не виноват, – сказал я.

– Нет, виноват. Я должен был *защитить* тебя.

– Это мама тебя попросила?

– Нет. Но это моя работа. Я хранитель. По крайней мере... был хранителем.

– Но почему... – Вдруг у меня закружилась голова, а перед глазами все поплыло.

– Не перенапрягайся, – сказал Гроувер. – Держи. – Он помог мне удержать стакан и поднес к моим губам трубочку.

Вкус меня поразил. Я-то думал, что это яблочный сок. Но это был совсем не он. Это было печенье с шоколадной крошкой. Только жидкое. И не какое-то там непонятное, а домашнее мамино синее печенье с шоколадной крошкой, такое мягкое и горячее, что кусочки шоколада в нем плавились. Когда я сделал глоток, мне стало тепло и хорошо, тело наполнилось энергией. Горе не отступило, но было такое ощущение, что мама только что погладила меня по щеке, дала печенье, как в детстве, и сказала, что все образуется.

Не успев опомниться, я осушил весь стакан. И в изумлении на него уставился: в нем только что был горячий напиток, но кубики льда даже не растаяли.

– Вкусно? – спросил Гроувер.

Я кивнул.

– На что было похоже? – Он говорил так мечтательно, что мне стало стыдно.

– Прости, – извинился я. – Нужно было с тобой поделиться.

Гроувер округлил глаза:

– Нет! Я не об этом. Просто... стало интересно.

– Печенье с шоколадной крошкой, – ответил я. – Мамино. Домашнее.

Он вздохнул:

– А как ты себя чувствуешь?

– Так, словно могу отшвырнуть Нэнси Бобофит на сто ярдов.

– Это хорошо, – кивнул он. – Это хорошо. Но больше пить я бы на твоём месте не стал.

– Почему это?

Он забрал у меня пустой стакан с такой осторожностью, будто это был динамит, и поставил его обратно на стол.

– Пошли. Хирон и мистер Ди ждут.

Крыльцо огибало дом со всех сторон.

От попытки пройти такое расстояние ноги у меня стали подкашиваться. Гроувер хотел помочь мне нести рог Минотавра, но я отказался. Слишком дорого мне обошелся этот сувенир. И я не собирался его отдавать.

Когда мы дошли до противоположной стороны дома, мне пришлось отдышаться.

Видимо, мы были на северном побережье Лонг-Айленда, потому что отсюда было видно, как долина выходит к большой воде, блестящей примерно в миле от нас. Но я никак не мог понять, что это за место. Вокруг были разбросаны постройки в древнегреческом стиле: открытый павильон, амфитеатр, круглая арена – только вот выглядели они совсем новыми, колонны из белого мрамора сверкали на солнце. Неподалеку на песке дюжина ребят, по виду учеников средней школы, и сатиров играли в волейбол. По небольшому озеру скользили каноэ. Ребята в таких же оранжевых футболках, как у Гроувера, бегали наперегонки вокруг группы домиков, приютившихся в лесу. Некоторые стреляли по мишеням из луков. Другие ехали верхом по лесным тропинкам, и, если мне не привиделось, несколько коней были с крыльями.

На этой стороне крыльца я увидел карточный стол, за которым напротив друг друга сидели два человека. Светловолосая девчонка, та, что кормила меня с ложки попкорновым пудингом, стояла рядом, опершись на перила.

Мужчина, сидящий ко мне лицом, был невысоким толстячком с красным носом, большими слезящимися глазами и курчавыми волосами, настолько темными, что они казались фиолетовыми. Он был похож на тех ангелочков с картин, как их там называют – скопидомы? Нет, купидоны. Точно. Эдакий купидон средних лет, живущий в трейлерном парке. На нем была гавайская рубашка с тигровым принтом, и он бы с легкостью вписался в компанию картежников Гейба, правда что-то мне подсказывало, что он бы запросто обыграл даже моего отчима.

– Это мистер Ди, – шепнул Гроувер. – Директор. Будь повежливей. А та девочка – Аннабет Чейз, одна из ребят, живущих в лагере. Но она здесь почти дольше всех. И ты уже знаком с Хироном... – Он указал на сидящего ко мне спиной мужчину.

Первым делом я сообразил, что он в инвалидной коляске. Потом узнал твидовый пиджак, редкие темные волосы и всклокоченную бороду.

– Мистер Браннер! – воскликнул я.

Учитель латыни обернулся и улыбнулся мне. Его глаза озорно сверкнули, совсем как в школе, когда он внезапно устраивал тест, ответом на все вопросы в котором был вариант «Б».

– А, Перси, отлично, – сказал он. – Теперь у нас есть четвертый для партии в пинокль. – Он указал на стул справа от мистера Ди, который поднял на меня красные глаза и тяжело вздохнул:

– Ладно уж. Добро пожаловать в Лагерь полукровок. И не воображай, будто я рад тебя видеть.

– Э-э, спасибо.

Я отодвинулся от него: если жизнь с Гейбом чему-то меня и научила, так это распознавать взрослых, которые закладывают за воротник. И если мистер Ди был трезвенником, то меня можно было записать в сатиры.

– Аннабет? – обратился мистер Браннер к белокурой девчонке. Она подошла, и мистер Браннер нас познакомил: – Эта юная леди выхаживала тебя, Перси. Аннабет, милая, не проveriшь ли, готово ли место для Перси? Пока поселим его в одиннадцатый домик.

– Конечно, Хирон, – ответила она.

Она была примерно моего возраста, на пару дюймов выше ростом и куда более спортивная. С виду ее можно было принять за обыкновенную калифорнийскую девчонку: темный загар, выщипанные светлые волосы, только вот глаза выбивались из общей картины. Они были удивительного серого цвета – цвета грозовых туч, – красивые, но грозные, словно она примеривалась, как бы уложить меня на лопатки в бою.

Она взглянула на рог Минотавра, а потом снова на меня. Я думал, она скажет «Ты убил Минотавра!», или «Ого, да ты крут!», или что-нибудь вроде того.

Но вместо этого она заявила:

– Ты пускаешь слюни во сне. – И побежала по траве. Ее светлые волосы развевались за спиной.

– Так вы, – заговорил я, стараясь сменить тему, – э-э, работаете здесь, мистер Браннер?

– Я не мистер Браннер, – сказал бывший мистер Браннер. – Боюсь, это просто псевдоним. Можешь называть меня Хирон.

– Хорошо. – Совершенно сбитый с толку, я перевел взгляд на директора. – А мистер Ди... Какое у вас настоящее имя?

Мистер Ди прекратил тасовать карты. И уставился на меня так, словно я громогласно рыгнул.

– Молодой человек, имена обладают большой силой. Не стоит без повода ими разбрасываться.

– Ага. Ясно. Извините.

– Признаюсь, Перси, – вмешался Хирон, – я рад, что ты жив. Я уже давно не работал с возможными обитателями лагеря на выезде. Не хотелось думать, что я потратил время напрасну.

– На выезде?

– Я же год обучал тебя в Академии Йэнси. Конечно, у нас в школах есть наблюдатели-сатиры. Но Гроувер вызвал меня, как только познакомился с тобой. Он почувствовал в тебе что-то особенное, и я решил приехать. Убедил другого учителя латыни... ну, уйти в отпуск.

Я постарался вспомнить начало учебного года. Казалось, с тех пор прошла целая вечность, но у меня осталось смутное воспоминание о том, что в первую неделю латынь в Йэнси у нас вел кто-то другой. Потом безо всяких объяснений этот учитель исчез, и уроки стал вести мистер Браннер.

– Вы приехали в Йэнси специально, чтобы учить меня? – спросил я.

Хирон кивнул:

– Честно говоря, сначала я не был уверен насчет тебя. Мы связались с твоей мамой, сообщили, что наблюдаем за тобой, смотрим, готов ли ты отправиться в Лагерь полукровок. Но тебе еще многому предстояло научиться. Однако ты добрался сюда живым, а значит, первое испытание прошел.

– Гроувер, – нетерпеливо произнес мистер Ди, – ты играешь или как?

– Да, сэр! – Гроувер, дрожа, занял четвертый стул.

Я никак не мог понять, с чего бы ему так пугаться пухлого коротышки в гавайской рубашке в тигровых полосках.

– Ты ведь *умеешь* играть в пинокль? – с подозрением посмотрел на меня мистер Ди.

– Боюсь, что нет, – ответил я.

– Боюсь, что нет, *сэр*, – поправил он.

– Сэр, – повторил я.

Директор лагеря нравился мне все меньше и меньше.

– Что ж, – продолжил он, – наряду с гладиаторскими боями и «Пакманом» это одна из величайших игр, созданных человечеством. Я считаю, что все *культурные* молодые люди должны знать ее правила.

– Я уверен, что юноша научится, – сказал Хирон.

– Скажите, – взмолился я, – что это за место? Что я здесь делаю? Мистер Бран... Хирон, зачем вам было приезжать в Йэнси только ради меня?

Мистер Ди хрюкнул:

– Я вот тоже не понял зачем.

Директор раздал карты. Гроувер вздрагивал каждый раз, когда тот клал карту перед ним.

Хирон сочувственно посмотрел на меня, как на уроке, когда хотел показать, что, независимо от того, каков мой средний балл, именно я – его лучший ученик. И он ждал от меня правильного ответа.

– Перси, – сказал он, – разве твоя мама ни о чем тебе не рассказывала?

– Она говорила... – я вспомнил, как она печально глядела на море. – Она говорила, что боится отправлять меня сюда, хотя отец хотел этого. Говорила, что если я окажусь здесь, то, скорее всего, должен буду остаться навсегда. И что она хотела держать меня как можно ближе к себе.

– Как обычно, – заметил мистер Ди. – Так их обычно и убивают. Молодой человек, вы торгуетесь?

– Что? – не понял я.

Он нетерпеливо объяснил, как торговаться в пинокле, и я сделал то, что от меня требовалось.

– Боюсь, рассказывать придется слишком много, – сказал Хирон. – И нашего ознакомительного фильма будет недостаточно.

– Ознакомительного фильма? – переспросил я.

– Нет, – решил Хирон. – Что ж, Перси. Ты уже знаешь, что твой друг Гроувер – сатир. Ты знаешь, – он указал на рог в обувной коробке, – что убил Минотавра. А это непростое дело, мой друг. Однако ты пока не знаешь, какие великие силы управляют твоей жизнью. Боги – те силы, которые ты называешь греческими богами, – существуют на самом деле.

Я посмотрел на остальных, сидящих за столом. Думал, кто-нибудь воскликнет: «Да нет же!» Но вместо этого мистер Ди взвизгнул:

– О, королевский марьяж! Взятка! Взятка! – И он загоготал, подсчитав свои очки.

– Мистер Ди, если вы не собираетесь есть свою банку от диетической колы, можно я ее возьму? – робко спросил Гроувер.

– А? Да, бери.

Гроувер откусил большой кусок от пустой алюминиевой банки и принялся с горестным видом его жевать.

– Погодите, – сказал я Хирону, – вы утверждаете, что Бог на самом деле есть?

– Значит, так, – ответил он. – Бог с большой буквы – это совсем из другой оперы. Не будем углубляться в метафизику.

– Метафизику? Но вы же сами заговорили о...

– Боги – во множественном числе – могучие сущности, которые управляют силами природы и деяниями людей: бессмертные олимпийские божества. Это вопрос попроще.

– Попроще?

– Ну да. Я про тех богов, которых мы изучали на уроках латыни.

– Зевс, – сказал я. – Гера. Аполлон. Вы про них говорите.

И снова в безоблачном небе прогремел далекий раскат грома.

– Молодой человек, – вмешался мистер Ди, – на вашем месте я бы все же не стал так беспечно обращаться с этими именами.

– Но они же выдумка, – возразил я. – Мифы, которые объясняли появление молнии, смену времен года и все такое. Люди верили в это в донаучные времена.

– Наука! – усмехнулся мистер Ди. – Скажи-ка мне, Персей Джексон, – я вздрогнул, когда он назвал мое настоящее имя, которое я никогда никому не говорил, – что будут думать люди о твоей «науке» через две тысячи лет? А? Они скажут, что это дремучие бредни, – вот что. О, обожаю смертных: они ничего не умеют адекватно оценить. Считают себя таки-и-ми продвинутыми. А на самом деле как, Хирон? Посмотри-ка на мальчишку и скажи мне.

Мистер Ди мне не слишком нравился, но то, как он назвал меня смертным, намекало на то, что сам он... им не является. Этого хватило, чтобы к горлу подступил комок, и я догадался, почему Гроувер старательно глядит в карты, жуя банку и держа рот на замке.

– Перси, – сказал Хирон, – можешь верить или не верить, но *бессмертный* значит бессмертный. Можешь хоть на миг представить, каково это – никогда не умирать? Не стареть? Просто существовать вечно.

Я чуть было не ответил первое, что пришло на ум: что звучит это отлично, но тон Хирона заставил меня задуматься.

– Хотите сказать, независимо от того, верят в тебя люди или нет? – спросил я.

– Именно, – кивнул Хирон. – Если бы ты был богом, тебе бы понравилось, что тебя называют мифом, старой сказкой, объясняющей, откуда берется молния? Что, если я скажу тебе, Персей Джексон, что однажды люди назовут *тебя* мифом, придуманным, чтобы объяснить, как маленькие мальчики могут пережить потерю матери?

Сердце бухнуло у меня в груди. Он зачем-то пытался меня разозлить, но я не стал поддаваться.

– Мне бы это не понравилось, – ответил я. – Но я не верю в богов.

– Лучше уж поверь, – пробормотал мистер Ди, – пока один из них тебя не испепелил.

– П-прошу вас, сэр, – взмолился Гроувер. – Он только что потерял мать. У него шок.

– Везунчик, – буркнул мистер Ди, делая ход. – Жаль, что я прикован к этой убогой работе и должен иметь дело с мальчишками, у которых даже веры нет! – Он взмахнул рукой – и на столе появился кубок: словно солнечные лучи преломились и соткали стекло прямо из воздуха. Сам собой кубок наполнился красным вином.

У меня отвисла челюсть, а Хирон даже бровью не повел.

– Мистер Ди, – напомнил он, – вам запрещено.

Мистер Ди взглянул на вино и изобразил изумление.

– Ну надо же! – Он поднял глаза к небу и завопил: – Старые привычки! Простите!

Еще один раскат грома.

Мистер Ди снова взмахнул рукой – и бокал превратился в банку диетической колы. Он горестно вздохнул, открыл банку и вернулся к игре.

Хирон подмигнул мне:

– Некоторое время назад Мистер Ди разгневал своего отца – увлекся лесной нимфой, что ему было запрещено.

– Лесной нимфой, – повторил я, не сводя глаз с банки диетической колы, словно она явилась из космоса.

– Да, – подтвердил мистер Ди. – Отцу нравится меня наказывать. В первый раз – сухой закон. Жуть! Эти десять лет были просто ужасными! Во второй раз... ну, очень уж она была хорошенькой, как тут остаться в стороне... во второй раз он сослал меня сюда, на Холм полу-кровок. В летний лагерь для таких паршивцев, как ты. «Стань хорошим примером, – велел он. – Работай с молодежью вместо того, чтобы дурно на нее влиять». Ха! Разве это честно? – Мистер Ди был похож на обиженного шестилетку.

– И-и... – запинаясь, проговорил я, – ваш отец – это...

– *Di immortales*⁹, Хирон! – воскликнул мистер Ди. – Я думал, ты рассказал парню хотя бы основное. Конечно же мой отец – Зевс.

Я мысленно перебрал все имена из греческой мифологии, начинающиеся с буквы «Д». Вино. Тигриная шкура. Работники-сатиры. И Гроувер, лебезящий перед мистером Ди как перед начальником.

– Вы Дионис, – сказал я. – Бог вина.

Мистер Ди закатил глаза:

– Гроувер, какие сейчас модные словечки? Молодежь говорит «ну так!»?

– Д-да, мистер Ди.

– Тогда ну так, Перси Джексон! Может, ты подумал, что я Афродита?

– Вы бог.

– Да, дитя.

– Бог. Вы.

Он повернулся и посмотрел на меня в упор, в глазах у него полыхнуло пурпурное пламя, говорящее, что этот пухлый ноющий коротышка показывал мне лишь часть своей истинной сущности. Я увидел виноградные лозы, которые до смерти душили неверующих; пьяных воинов, обезумевших от желания ринуться в бой; моряков, вопящих от ужаса, когда их руки превращались в плавники, а лица вытягивались в дельфины морды. Я знал: если не отступлю, мистер Ди покажет мне вещи и похуже. Он может сделать с моим мозгом такое, что мне придется остаток жизни провести в смиренной рубашке в комнате с мягкими стенами.

– Хочешь проверить, дитя? – тихо спросил он.

– Нет. Нет, сэр.

Огонь в его глазах стал тише. Он вернулся к игре:

– Похоже, я выиграл.

– Не совсем, мистер Ди, – сказал Хирон. Он выложил стрит, подсчитал очки и добавил: – Победа за мной.

Я думал, мистер Ди сделает так, что от Хирона останется лишь кучка пепла в коляске, но он просто выдохнул через нос, словно уже привык, что его обыгрывают учителя латыни. Он встал, следом за ним поднялся Гроувер.

– Устал я, – заявил мистер Ди. – Пойду вздремну перед вечерним пением. Но прежде, Гроувер, нас с тобой – *в очередной раз* – ждет разговор о том, что ты не лучшим образом справился с этим заданием.

Лицо Гроувера покрылось капельками пота:

– Д-да, сэр.

Мистер Ди посмотрел на меня:

– Одиннадцатый домик, Перси Джексон. И не забывайте о манерах. – Он умчался в дом, и несчастный Гроувер последовал за ним.

– С Гроувером все будет в порядке? – спросил я Хирона.

Тот кивнул, хотя вид у него был слегка встревоженный.

– Старина Дионис на самом деле не злится. Он просто ненавидит свою работу. Его наказали... спустили с небес на землю, можно сказать, и он ждет не дождется, когда через столетие сможет вернуться на гору Олимп.

– Гора Олимп, – повторил я. – Хотите сказать, там и правда есть дворец?

– Ну, есть гора Олимп в Греции. А есть обиталище богов, точка, куда стекается вся их сила, и раньше она действительно располагалась на горе Олимп. Из уважения к древним порядкам это место по-прежнему называют горой Олимп, но оно перемещается, Перси, как и боги.

– То есть греческие боги теперь здесь? В смысле... в *Америке*?

⁹ Бессмертные боги (*лат.*).

– Да, конечно. Боги следуют за сердцем Запада.

– За чем?

– Ну же, Перси. Вы называете это «западной цивилизацией». Думаешь, это абстрактное понятие? Нет, это живая сила. Коллективное сознание, пламя, горящее на протяжении тысяч лет. И боги – его часть. Можно даже сказать, что они его источник, по крайней мере они связаны с ним так тесно, что не смогут исчезнуть, пока западная цивилизация существует. Это пламя вспыхнуло в Греции. Затем, как ты знаешь – а я надеюсь, что ты знаешь, ведь ты сдал мне экзамен, – его сердце переместилось в Рим, а вместе с ним и боги. Имена могли измениться: Зевс стал Юпитером, Афродита – Венерой, – но это были те же силы и те же боги.

– А потом они умерли.

– Умерли? Нет. Разве Запад умер? Боги просто перемещались: некоторое время они были в Германии, во Франции, в Испании. Они оказывались там, где пламя горело ярче всего. Несколько веков они провели в Англии. Просто взгляни на архитектуру. Люди не забыли богов. Где бы они ни правили в последние три тысячи лет, можно увидеть богов, запечатленных на картинах, в статуях, на самых важных зданиях. И да, Перси, конечно, сейчас они в Соединенных Штатах. Взгляни на ваш символ – это Зевсов орел. Взгляни на статую Прометея в Рокфеллер-центре, на греческие фасады правительственных зданий в Вашингтоне. Попробуй найти в Америке хоть один город, где бы олимпийские боги не были запечатлены в самых разных местах. Нравится тебе это или нет – и уж поверь, многим и Рим не особенно нравился, – теперь сердце пламени находится в Америке. И олимпийцы тоже здесь. Как и мы.

Это было уже слишком, особенно то, что, говоря «мы», Хирон явно имел в виду и *меня* тоже, словно я вступил в какой-то клуб.

– Кто вы, Хирон? И кто... кто я?

Хирон улыбнулся. Он наклонился вперед, будто собирался встать с кресла, но я знал, что это невозможно. У него были парализованы ноги.

– Кто ты? – задумчиво проговорил он. – Это нам всем хотелось бы узнать. Но пока нужно устроить тебя в одиннадцатом домике. Познакомишься с новыми друзьями. Завтра у тебя будет масса времени на уроки. К тому же сегодня у костра нас ждут сморы¹⁰, а я просто обожаю шоколад.

И тут он встал. Только сделал это как-то странно. Покрывало упало с его ног, но сами ноги не двигались. Талия Хирона все удлинялась и удлинялась, возвышаясь над ремнем. Сначала я подумал, что на нем очень длинные кальсоны из белого бархата, но он всё поднимался над коляской, становясь выше человеческого роста, и я понял, что бархатные кальсоны вовсе и не кальсоны – это была передняя часть животного: мышцы и сухожилия, покрытые грубой белой шерстью. А коляска была никакой не коляской. Это было что-то вроде контейнера, огромного ящика на колесах, причем явно волшебного, потому что иначе Хирон ни за что бы в нем не поместился. Показалась длинная нога с острым коленом и большим блестящим копытом. Затем вторая нога, за ней последовала задняя часть туловища – и вот ящик опустел, превратившись в пустую металлическую оболочку, к которой была прикреплена пара искусственных человеческих ног.

Я не сводил глаз с коня, появившегося из коляски: это был большой белый жеребец. Но там, где должна быть лошадиная голова, начинался торс моего учителя латыни, плавно переходящий в туловище коня.

– Какое облегчение! – сказал кентавр. – Мне пришлось ютиться в ней так долго, что путовые суставы онемели. Что ж, идем, Перси Джексон. Пора познакомиться с остальными обитателями лагеря.

¹⁰ *Сморы* – десерт, состоящий из поджаренного зефира или маршмеллоу и кусочка шоколада между двумя печеньями. Его часто готовят дети на костре.

Глава шестая

Я становлюсь повелителем туалета

Когда я переварил тот факт, что мой учитель латыни оказался конем, он провел мне чудесную экскурсию, хотя идти позади него я все же не рисковал. Пару раз мне приходилось убирать навоз после парада Мэйсис на День благодарения¹¹, так что, простите, но задней части Хирона я доверял куда меньше, чем передней.

Мы прошли мимо волейбольной площадки. Некоторые игроки принялись пихать других локтями. Один указал на рог Минотавра у меня в руках. Другой сказал:

– Это он.

Большинство ребят в лагере были старше меня. Их друзья-сатиры были крупнее Гроувера, они сновали вокруг в оранжевых футболках с надписью «ЛАГЕРЬ ПОЛУКРОВОВ», ничем не прикрывая мохнатых бедер. Я парень не стеснительный, но они так пялились на меня, что мне стало не по себе. Казалось, они ждут, что я сделаю сальто или типа того.

Я оглянулся и посмотрел на дом. Он оказался куда больше, чем я думал: четырехэтажный, небесно-голубой с белой отделкой – такой ожидаешь встретить на шикарном морском курорте. Пока я разглядывал латунный флюгер в виде орла на крыше, кое-что привлекло мое внимание: тень в чердачном окне, под самой крышей. Занавеска едва заметно шевельнулась, и у меня возникло стойкое ощущение, что за мной кто-то следит.

– А что там наверху? – спросил я Хирона.

Он посмотрел туда, куда я указывал, и его улыбка потускнела:

– Просто чердак.

– Там кто-нибудь живет?

– Нет, – отрезал он. – Там нет ни одной живой души.

Интуиция подсказывала, что он говорит правду. Но я был уверен, что занавеска шевелилась.

– Идем, Перси, – голос Хирона уже звучал не так непринужденно, как прежде. – Тебе многое предстоит увидеть.

Мы прошли по земляничным полянам, где обитатели лагеря под звуки свирели, на которой играл сатир, собирали в ведра ягоды.

Хирон рассказал, что лагерь поставляет ягоды в некоторые рестораны Нью-Йорка и на гору Олимп.

– Этот заработок покрывает наши расходы, – объяснил он. – К тому же эта работа не отнимает много сил.

По его словам, мистер Ди особым образом действует на плодоносящие растения: рядом с ним они растут как сумасшедшие. Лучше всего получается с винными сортами винограда, но их выращивать мистеру Ди запрещалось, поэтому их выбор пал на землянику.

Я наблюдал за игрой сатира. Под звуки его музыки жуки разбегались с земляничных грядок, словно жильцы из горящего здания. Мне стало любопытно, владеет ли Гроувер такой музыкальной магией. Неужели мистер Ди все еще песочит его там, в доме?

– Гроувера не будут сильно наказывать? – спросил я Хирона. – Ну... он ведь был хорошим хранителем. Правда.

¹¹ Парад, который традиционно устраивается универмагом «Macy's» в День благодарения в Нью-Йорке. Парад представляет собой красочное шествие с участием артистов, спортсменов и музыкантов, а особенно он знаменит использованием гигантских надувных фигур.

Хирон вздохнул, снял твидовый пиджак и перекинул его через свою лошадиную спину как седло.

– У Гроувера есть заветная мечта, Перси. Возможно, даже не очень разумная. Чтобы достичь этой цели, он должен проявить большое мужество, показать себя хорошим хранителем, отыскать нового воспитанника и доставить его в Лагерь полукровок в целости и сохранности.

– Но он так и сделал!

– Допустим, я с тобой согласен, – сказал Хирон. – Но решение принимаю не я. Это дело Диониса и совета козлоногих старейшин. Боюсь, они могут посчитать, что с этим заданием он не справился. Как-никак Гроувер потерял тебя в Нью-Йорке. Потом случилось... ммм... несчастье с твоей матерью. Ко всему прочему, Гроувер потерял сознание, и тебе пришлось тащить его через границу. Совет может усомниться, что в его поступках была хоть капля мужества.

Я хотел возразить. В том, что случилось, не было вины Гроувера. Зато сам я чувствовал себя очень-очень виноватым. Если бы я не сбежал от Гроувера на станции, возможно, теперь у него не было бы проблем.

– Ему ведь дадут второй шанс?

Хирон поморщился:

– Боюсь, это *и был* второй шанс Гроувера, Перси. Совет не хотел давать его ему после того, что случилось в прошлый раз, пять лет назад. Олимп свидетель, я советовал ему подождать еще, прежде чем снова браться за дело. Он все же маловат для своих лет...

– А сколько ему?

– Двадцать восемь.

– Что?! И он в шестом классе?!

– Сатиры взрослеют в два раза медленнее людей, Перси. В последние шесть лет Гроувер по возрасту был примерно как ученик средней школы.

– Ужас какой.

– Да уж, – согласился Хирон. – Но даже по меркам сатиров Гроувер взрослеет медленно и пока не слишком хорошо владеет лесной магией. Увы, он так жаждал поскорее воплотить свою мечту. Возможно, теперь он найдет себе какое-нибудь другое занятие...

– Это несправедливо, – сказал я. – А что произошло в прошлый раз? Неужели что-то настолько жуткое?

Хирон тут же отвел взгляд:

– Пойдем дальше?

Но я не собирался так легко отступать. Когда Хирон упомянул о несчастье, случившемся с моей матерью, словно нарочно избегая слова «смерть», у меня в голове зародилась мысль – забрезжил крохотный огонек надежды.

– Хирон, – начал я, – а если олимпийские боги существуют...

– Да, дитя?

– ...значит, Подземный мир тоже существует?

Лицо Хирона помрачнело:

– Да, дитя. – Он помолчал, словно подбирая нужные слова. – Это место, куда души отправляются после смерти. Но пока... пока нам не станет известно больше... советую тебе не думать об этом.

– Что значит «пока нам не станет известно больше»?

– Пойдем, Перси. Посмотрим на лес.

Только приблизившись к лесу, я понял, насколько огромным он был. Он занимал почти четверть долины, а деревья в нем были такими высокими и мощными, что, казалось, здесь никто не бывал со времен коренных американцев.

Хирон сказал:

– На тот случай, если захочешь попытать удачу: лес уже подготовлен, только не ходи без оружия.

– Подготовлен – это как? – спросил я. – Какого оружия?

– Увидишь. Захват флага вечером в пятницу. У тебя есть меч и щит?

– Есть что?

– Нет, – заключил Хирон. – Наверняка нет. Думаю, тебе подойдет пятый размер. Позже загляну в арсенал.

Мне хотелось спросить, с какой стати в летнем лагере есть арсенал, но в голове было слишком много мыслей, и я просто последовал за Хироном дальше. Мы миновали стрельбище, озеро с каноэ, конюшни (которые, судя по всему, не очень-то нравились Хирону), площадку для метания дротиков, амфитеатр и арену, где, по словам кентавра, проводились бои на мечах и копьях.

– Бои на мечах и копьях? – удивился я.

– Один домик бросает вызов другому, и все такое прочее, – объяснил он. – Без смертельных исходов. Обычно. Ах да, а это столовая.

Хирон указал туда, где на холме, с которого открывался вид на море, располагался открытый павильон, по периметру которого стояли белые греческие колонны. Я насчитал там с дюжину каменных столиков. А вот крыши не было. И стен тоже.

– А если дождь? – поинтересовался я.

Хирон посмотрел на меня так, будто я ляпнул какую-то глупость.

– Ну поесть-то все равно будет нужно.

И я решил больше не донимать его расспросами на эту тему.

Наконец он показал мне домики. Их было двенадцать, и располагались они у озера в лесу. Они были расставлены в виде буквы «U»: два домика в основании и по пять в ряд с каждой стороны. Причем таких разномастных зданий в одном месте мне еще никогда не приходилось видеть.

За исключением крупных латунных номеров над входом (нечетные с левой стороны, четные – с правой), у них не было ничего общего. У девятого были дымовые трубы, отчего он напоминал крохотную фабрику. Стены четвертого покрывали стебли помидоров, а на крыше росла настоящая трава. Седьмой, похоже, был сделан из чистого золота и так сверкал на солнце, что на него почти невозможно было смотреть. Фасадами домики были повернуты к общей территории размером с футбольное поле, пестревшей греческими статуями, фонтанами и клумбами. Но больше всего мне пришлось по душе пара баскетбольных колец.

В центре поля было большое место для костра, выложенное камнем. Несмотря на теплую погоду, оттуда поднимался дымок. Девочка лет девяти поддерживала пламя, вороша угли палочкой.

Два домика – под номерами один и два – походили на женский и мужской мавзолей: большие коробки из белого мрамора с тяжелыми колоннами на фасадах. Первый домик был самым большим и внушительным из двенадцати. Его полированные бронзовые двери переливались словно голограмма, и если смотреть на них с разных углов, создавалось впечатление, что по ним то и дело пробегают молнии. Второй домик был немного изящнее, с более тонкими колоннами, увитыми гранатами и цветами. На его стенах были вырезаны изображения павлинов.

– Зевс и Гера? – догадался я.

– Верно, – сказал Хирон.

– Их домики выглядят пустыми.

– Так и есть. Некоторые домики пустуют. В первом и втором никто никогда не живет.

Ладно. Значит, у каждого домика свой бог, вроде талисмана. Двенадцать домиков посвящены двенадцати олимпийцам. Но почему среди них есть пустые?

Я остановился возле первого домика с левой стороны – домика номер три. В отличие от высокого и внушительного первого домика, он был низким, длинным и крепким. Стены из грубого серого камня с внешней стороны были усыпаны осколками ракушек и кораллов, будто плиты для них вырезали прямо с морского дна. Я заглянул в открытую дверь, но Хирон предостерег меня:

– Я бы не стал этого делать!

Прежде чем он одернул меня, я успел почувствовать соленый воздух, наполняющий домик: там пахло как на берегу в Монтоке, когда дует бриз. Стены изнутри мерцали как раковины моллюсков-абалонов. Шесть пустых коек были застелены шелковыми простынями. Но было непохоже, чтобы здесь кто-то когда-то спал. В домике было так грустно и пусто, что я обрадовался, когда Хирон положил руку мне на плечо и сказал:

– Пойдем дальше, Перси.

Почти все другие домики были переполнены ребятами.

Пятый домик был ярко-красным, но покрашен был очень неряшливо, словно краску плескали на стены прямо из ведер и размазывали голыми руками. Его крыша была забрана колючей проволокой. Над дверью висела голова дикого кабана, которая, как мне показалось, не спускала с меня глаз. Внутри гремела рок-музыка, а обитатели домика – хулиганского вида мальчишки и девчонки – ругались и мерились друг с другом силой. Громче всех вопила девочка лет тринадцати или четырнадцати. Под камуфляжной курткой на ней была огромная футболка с надписью «ЛАГЕРЬ ПОЛУКРОВОК». Она метнула на меня суровый взгляд и злобно усмехнулась, чем-то напомнив мне Нэнси Бобофит, хотя была выше и крепче, да и волосы у нее были длинные, тонкие и каштановые, а вовсе не рыжие.

Я поспешил дальше, стараясь не попасть Хирону под копыта.

– Что-то не видно других кентавров, – заметил я.

– Да, – печально сказал Хирон. – Боюсь, мои сородичи – дикий и грубый народ. Их можно встретить где-нибудь в глуши или на спортивных чемпионатах. Но только не здесь.

– Вы сказали, что вас зовут Хирон. Неужто вы...

Он улыбнулся:

– *Тот самый* Хирон из мифов? Воспитатель Геркулеса и остальных? Да, Перси, это я.

– Но почему вы не умерли?

Хирон помолчал, словно озадаченный моим вопросом.

– Честно говоря, не знаю, *с чего бы это* мне умирать. Да и по правде сказать, *я не могу умереть*. Видишь ли, тысячи лет назад боги исполнили мое желание: заниматься любимым делом, возвращать героев до тех пор, пока я буду нужен человечеству. Мне было даровано многое... но я многое потерял. Однако я по-прежнему здесь, а значит, по-прежнему нужен.

Я подумал, каково это – быть учителем целых три тысячи лет. Такое желание не оказалось бы среди первых пунктов в моем виш-листе.

– И вам никогда не бывает скучно?

– О нет, – заверил меня он. – Временами бывает ужасно грустно, но скучно – никогда.

– А почему грустно?

Хирон снова сделал вид, что не расслышал.

– О, погляди-ка, – сказал он. – Аннабет уже ждет нас.

Белокурая девчонка, которую я видел в Большом доме, читала книгу напротив последнего домика слева – домика номер одиннадцать.

Когда мы приблизились, она смерила меня взглядом, словно опять вспомнила, как я пускал слюни.

Я попытался разглядеть, какую книгу она читает, но не понял названия. Сначала я решил, что дело в дислексии. Но потом до меня дошло, что заглавие написано не по-английски. Буквы

были похожи на греческие. Реально греческие. А еще в книге были изображения храмов, статуй и разных колонн, как в справочнике по архитектуре.

– Аннабет, – обратился к ней Хирон, – у меня урок по стрельбе из лука в полдень. Позаботишься о Перси?

– Да, сэр.

– Тебе в одиннадцатый домик, – сказал мне Хирон, указав на дверь. – Располагайся.

Одиннадцатый домик больше остальных походил на домик в старом летнем лагере (ключевое слово – «старом»). Порог почти стерся, краска облупилась. Над дверью красовался медицинский знак: жезл с крыльями, вокруг которого обвилились две змеи. Как же он называется... Точно, кадуцей.

Внутри было полно мальчишек и девчонок – а вот кроватей было куда меньше. На полу повсюду были расстелены спальные мешки, как в спортзале, где Красный Крест устроил эвакуационный центр.

Хирон не стал заходить внутрь. Дверь была для него слишком низкой. Но увидев его, обитатели домика встали и почтительно поклонились.

– Ну что ж, – сказал Хирон, – удачи, Перси. Увидимся за ужином.

Попрощавшись, он поскакал к стрельбищу.

Я замер на пороге, уставившись на ребят. Они уже не кланялись, а рассматривали меня. Это было мне знакомо – такое не раз происходило со мной в разных школах.

– Ну? – поторопила меня Аннабет. – Чего встал?

Естественно, после этого я споткнулся прямо в дверях и выставил себя дураком. Послышались смешки, но никто ничего не сказал.

– Перси Джексон, познакомься с одиннадцатым домиком, – громко произнесла Аннабет.

– Наш или непризнанный? – спросил кто-то.

Я не знал, что ответить, но Аннабет сказала:

– Непризнанный.

Все застонали.

Вперед вышел парень, который на вид был немного старше остальных.

– Ладно вам, ребята. Это ведь наш долг. Добро пожаловать, Перси. Можешь устраиваться вон там на полу.

Ему было лет девятнадцать, и выглядел он очень круто: высокий, крепкий, с короткими волосами соломенного цвета и дружелюбной улыбкой. На нем были оранжевая майка, шорты, сандалии, а на шее висел кожаный шнурок с пятью разноцветными глиняными бусинами. Единственной странностью в его внешности был большой белый шрам, который шел от правого глаза до самой челюсти, будто много лет назад его полоснули по лицу ножом.

– Это Лука, – сказала Аннабет. Тон ее слегка изменился. Я обернулся – и готов поклясться, что она покраснела. Она заметила мой взгляд и опять посуровела. – Пока он будет твоим старостой.

– Пока? – переспросил я.

– Ты непризнанный, – терпеливо объяснил Лука. – Пока не выяснится, к какому домику ты относишься, побудешь здесь. Одиннадцатый домик принимает всех новичков и гостей. Что неудивительно, ведь Гермес, наш покровитель, – бог путешественников.

Я посмотрел на крохотное местечко на полу, которое мне выделили. Мне нечем было занять его: у меня не было ни сумки, ни одежды, ни спального мешка. Только рог Минотавра. Я хотел было положить его там, но потом вспомнил, что Гермес был также богом воров.

Обитатели домика рассматривали меня: одни сердито и с подозрением, другие глупо ухмыляясь, третьи с таким видом, будто ждали удобной возможности обчистить мои карманы.

– И долго я здесь пробуду? – спросил я.

– Хороший вопрос, – ответил Лука. – Пока тебя не признают.

– И долго ждать?

Все расхохотались.

– Пошли, – сказала Аннабет. – Я покажу тебе волейбольную площадку.

– Я ее уже видел.

– Пошли.

Она схватила меня за запястье и вытащила на улицу. Хохот в одиннадцатом домике не утихал.

Когда мы немного отошли, Аннабет заявила:

– Джексон, возьми уже себя в руки.

– Чего?

Она закатила глаза и пробормотала:

– Поверить не могу, что подумала, будто ты тот самый.

– Да чего ты прицепилась?! – я начал злиться. – Я знаю только, что убил какого-то полубыка...

– Прекрати! – велела Аннабет. – Знаешь, сколько ребят из лагеря мечтают о такой возможности?

– Возможности помереть?

– Возможности сразиться с Минотавром! Как думаешь, зачем нас тренируют?

Я покачал головой:

– Слушай, если тварь, которую я убил, и правда была *Минотавром из мифов*...

– Именно.

– То он такой один.

– Именно.

– Но он ведь умер кучу лет назад! Тесей убил его в лабиринте. Значит...

– Монстры не умирают, Перси. Их можно убить. Но они не умирают.

– Спасибо. Сразу стало все понятно.

– У них нет души, как у тебя и у меня. Можно лишить их тела на какое-то время, если повезет – даже на век. Но это древние силы. Хирон называет их архетипами. В конце концов они снова воплотятся.

Мне вспомнилась миссис Доддз.

– Значит, если я случайно зарубил одну такую тварь мечом...

– Фур... то есть учительницу математики? Да. Она по-прежнему существует. Ты ее просто очень разозлил.

– Откуда ты знаешь про миссис Доддз?

– Ты разговариваешь во сне.

– Ты хотела назвать ее по-другому. Фурия? Они ведь палачи Аида, так?

Аннабет с опаской взглянула на землю, будто та могла в любой момент разверзнуться и поглотить ее.

– Не стоит произносить их имена даже здесь. Если приходится говорить о них, мы зовем их Милостивыми.

– Слушай, можно сказать *хоть что-нибудь*, после чего в небе не будет гроыхать? – Вышло жалобно, но в тот момент мне было уже плевать. – И почему я вообще должен жить в одиннадцатом домике? Почему туда набилось столько народа? Вон же пустые домики. – Я указал на несколько первых домиков, и Аннабет побледнела:

– Нельзя просто взять и выбрать домик, Перси. В них распределяют в зависимости от того, кто твои родители. Или... родитель. – Она помолчала, давая мне время переварить.

– Моя мама – Салли Джексон, – сказал я. – Она работает в магазине конфет на Центральном вокзале. То есть работала.

– Мне жаль, что с твоей мамой такое случилось, Перси. Но я говорила не об этом. Речь о твоём втором родителе. О твоём отце.

– Он умер. Я его никогда не видел.

Аннабет вздохнула. Ей явно не раз приходилось объяснять все другим новичкам.

– Твой отец не умер, Перси.

– С чего ты так решила? Ты его знаешь?

– Нет, конечно, не знаю.

– Тогда почему ты сказала...

– Потому что я знаю *тебя*. Ты не оказался бы здесь, не будь ты одним из нас.

– Ты ничего обо мне не знаешь.

– Ничего? – Она подняла бровь. – Готова спорить, что ты сменил много школ. И по большей части тебя из них выгоняли.

– Откуда...

– У тебя дислексия. И наверняка СДВГ.

Я попытался не выдать своего смущения:

– И при чем тут все это?

– Все вместе это фактически верный признак. Когда ты читаешь, буквы прямо-таки расползаются со страницы, да? Дело в том, что твой мозг настроен на древнегреческий. А СДВГ? Тебе ведь трудно усидеть на месте, спокойно вытерпеть целый урок не получается. Это дают о себе знать боевые рефлексы. Без них не выжить в реальном сражении. С вниманием у тебя проблемы не потому, что ты мало что замечаешь, наоборот – ты видишь слишком много, Перси. Твои чувства куда острее, чем у обычных смертных. Понятное дело, что учителя хотят тебя лечить. Большинство из них монстры. Они не хотят, чтобы ты увидел их истинную природу.

– Ты говоришь так, будто... тебе это знакомо?

– И большинству здешних ребят тоже. Если бы ты не был одним из нас, Минотавр бы тебя прикончил, не говоря уж об амброзии и нектаре.

– Амброзия и нектар.

– Еда и питье, которые тебе давали, чтобы ты поправился. Они смертельно опасны для обычных детей. Будь ты одним из них, твоя кровь вспламенилась бы, а кости рассыпались в труху, едва бы ты их попробовал. Смирись. Ты полукровка.

Полукровка.

У меня было столько вопросов, что я не знал, какой задать первым.

И тут раздался хрипловатый крик:

– Надо же! Новенький!

К нам вальяжно приближалась высокая девчонка из уродливого красного домика. Позади нее шли еще три девчонки, такие же крупные, страшные и злобные на вид, как она, и в таких же камуфляжных куртках.

– Кларисса, – вздохнула Аннабет. – Может, найдешь себе занятие? Копье отполируешь, например?

– Конечно, мисс принцесса, – ответила девчонка. – Чтобы проткнуть им тебя в пятницу вечером.

– *Erre es korakas!* – рявкнула Аннабет, и я, сам не знаю как, понял, что по-гречески это значило «Иди к воронам!» и, судя по всему, было весьма неприятным ругательством. – У тебя нет шансов.

– Мы сотрем вас в порошок, – ответила Кларисса, но глаз у нее при этом дернулся. Возможно, она сомневалась, что сможет воплотить свою угрозу в жизнь. – А это еще что за хлюпик?

– Перси Джексон, – сказала Аннабет, – познакомься с Клариссой, дочерью Ареса.

Я удивленно моргнул:

– В смысле... бога войны?

Кларисса ухмыльнулась:

– Тебя что-то не устраивает?

– Нет, – опомнился я. – просто стало ясно, почему так воняет.

– Новички должны пройти церемонию посвящения, Присси, – прорычала Кларисса.

– Перси.

– Плевать. Давай-ка я покажу.

– Кларисса... – начала было Аннабет.

– Не лезь, Всезнайка.

На лице у Аннабет отразилась обида, но она не стала вмешиваться, да и я не слишком хотел ее помощи. Я новичок. И должен сам заработать себе авторитет.

Я отдал Аннабет рог Минотавра и приготовился к драке, но не успел опомниться, как Кларисса схватила меня за шею и поволокла к зданию из шлакоблоков, в котором, как я тут же догадался, находится туалет.

Я пинался и отбивался. Мне и прежде приходилось драться, но у этой Клариссы хватка была железная. Она втащила меня в женский туалет. Вдоль одной стены были установлены унитазы, а вдоль другой – душевые кабины. Пахло тут как в обычном общественном туалете, и я подумал – оказывается, я еще могу думать, хотя Кларисса вцепилась мне в волосы, – что если этим местом владеют боги, они могли бы расщедриться на унитазы получше.

Подруги Клариссы заливались смехом, а я пытался найти в себе силы, которые помогли мне в бою с Минотавром, но все было без толку.

– Куда ему до Большой тройки, – сказала Кларисса, швырнув меня к одному из унитазов. – Размечтался. Минотавр, наверно, сдох от хохота над этим придурком.

Ее подружки захихикали.

Аннабет стояла в углу, закрыв лицо руками и наблюдая за нами сквозь пальцы.

Кларисса заставила меня опуститься на колени и начала пригибать мою голову к унитазу. Оттуда воняло ржавыми трубами и... короче, тем, что обычно попадает в унитаз. Я сопротивлялся и, глядя на грязную воду, думал, что ни за что не опущу туда лицо. Ни за что.

И вдруг что-то случилось. У меня возникло странное напряжение под ребрами. В трубах что-то заворчалось, они затряслись. Хватка Клариссы ослабла. Струя воды выстрелила из унитаза и изогнулась надо мной дугой. В следующий миг я понял, что лежу на кафельном полу, а позади меня вопит Кларисса.

Я оглянулся и увидел, как из унитаза снова вырвалась струя и с такой силой ударила Клариссе в лицо, что та грохнулась на зад. Вода продолжала бить словно из пожарного шланга, пригвождая ее к стене.

Она отбивалась и хватала ртом воздух. Подружки хотели было помочь ей, но тут взорвались остальные унитазы, и шесть потоков туалетной воды отбросили их назад. Души присоединились к атаке, и вода вынесла камуфляжных девчонок из туалета, играя ими как отходами, которые нужно смыть.

Когда они оказались за дверью, напряжение в животе ослабло, и сантехника мгновенно успокоилась.

Весь туалет был залит водой. Аннабет тоже досталось. Она промокла до нитки, но ее не вышвырнуло на улицу. Она стояла на том же самом месте, изумленно уставившись на меня.

Взглянув вниз, я обнаружил, что сижу на единственном уцелевшем пятачке, в центре сухого круга. На меня не попало ни одной капли. Вообще.

Я неуверенно поднялся на ноги.

– Как ты... – сказала Аннабет.

– Не знаю.

Мы вышли наружу. Кларисса и ее подружки распластались в грязи, и вокруг них уже собирались зеваки. Волосы облепили Клариссе лицо. Ее камуфляжная куртка промокла насквозь и воняла канализацией. Она бросила на меня полный ненависти взгляд:

– Ты покойник, новичок. Ты труп.

Наверное, мне не следовало обращать на это внимания, но я ответил:

– Хочешь снова прополоскать горло водой из унитаза, Кларисса? Если нет – закрой рот.

Подругам пришлось ее удерживать. Пока они вели ее к пятому домику, другим ребятам пришлось уворачиваться от ее пинков.

Аннабет по-прежнему не сводила с меня глаз. Я не понимал: то ли она так потрясена, то ли злится, что я окатил ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.